

Часть третья

От декабря 1836 года до июня 1844 года

Санкт-Петербург, 7 сентября 1854 года

Период 8

Определение капельмейстером придворной Певческой капеллы, поездка в Малороссию, начало оперы «Руслан и Людмила»; оставление службы.— Разрыв с женою

1 января 1837 года я был назначен капельмейстером придворной Певческой капеллы. Это случилось следующим образом.

В конце 1836 года, зимою, скончался директор придворных певчих Федор Петрович Львов²⁰². Граф Михаил Юрьевич и князь Григорий Волконский по своему искреннему ко мне расположению воспользовались этим обстоятельством, чтобы пристроить меня соответственно моим способностям, ибо они ясно видели, что, кроме других выгод, сопряженных с этим званием, для меня нелишним NB были и материальные пособия, как-то оклад и казенная квартира с дровами.

Министр двора²⁰³ приказал объявить мне чрез управлявшего его канцелярию Панаева (автора «Идиллий»), что есть мне NB назначение и чтобы я дал ответ. Я расспросил, в чем должна была состоять моя обязанность, и узнав, что я только должен буду заниматься единственно искусственною частью, объявил, что соглашаюсь принять звание капельмейстера придворной капеллы. Я спросил, однако же, предварительно, кто у меня будет начальником и какие к нему будут отношения? Панаев объяснил мне, что директор должен будет заведовать единственно хозяйственною частию, а на вопрос мой: кого именно предполагают назначить? — отвечал, что или князя Григория Волконского, или графа Матвея Юрьевича. Хотя я мог предполагать, что они тоже будут вмешиваться и в музыкальную часть, однако же радовался служить с ними, как с людьми приятными и искренно ко мне расположенными.

Того же дня вечером за кулисами государь император, увидя меня на сцене, подошел ко мне и сказал: «Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты не откажешь мне. Мои певчие известны во всей Европе и, следовательно, стоят, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Эти ласковые слова привели меня в столь приятное замешательство, что я отвечал государю только несколькими почтительными поклонами.

На другой день я отправился к графу Матвею Юрьевичу Вельгорскому; он принял меня радушеем обыкновенного; мы оба радовались служить вместе и заранее помышляли о возможных улучшениях придворной капеллы. Вышло, однако же, чрез несколько дней, что

назначен был директором Алексей Федорович Львов, что несколько смутило меня, ибо мои тогдашние к нему отношения изменились по весьма странной для меня причине.

Старик Федор Петрович Львов уже в преклонных годах навещал меня вскоре по моем приезде в Петербург в 1834 году, когда я жил у Стунеева, несмотря на то, что квартира наша была на самом верху. Он оказывал мне необыкновенное внимание; письмо, посланное ко мне с его книжкой о русском церковном пении, еще более высказывало эти чувства²⁰⁴. Однажды я был в ложе, не помню, в каком именно театре, вместе с невестой моей Марьей Петровной, и в то же время в другой ложе был Федор Петрович Львов с своим семейством; когда он увидел меня с невестой, то отвернулся от меня с видом неудовольствия, и мы с той поры не кланялись.

Несмотря на это, Алёксей Федорович Львов принял меня с искренним радушием, и мы решились идти рука об руку на нашем новом поприще. Вскоре по определении нашем Алексей Федорович сделал экзамен: многие из больших певчих, т. е. теноров и басов, оказались весьма плохими. Алексей Федорович хотел было некоторых исключить, однако же дело обошлось и без того. Я взялся учить их музыке, т. е. чтению нот, и исправить интонацию, по-русски — выверить голоса. Мой способ преподавания состоял в разборе скалы, означения полутонов, следственно, изыскания причины употребления знаков повышения и понижения; впоследствии писал я на доске двухголосные короткие задачи (Sätze), заставлял сперва сделать разбор, потом спеть одну, потом разобрать и спеть другую партию, потом всех вместе, стараясь образовать слух учеников моих и выверить голоса их.

Когда в первый раз явился я для преподавания с мелом в руке, мало нашлось охотников; большая часть* больших певчих стояла поодаль с видом недоверчивым, и даже некоторые из них усмехались. Я, не обращая на то внимания, принялся за дело так усердно и, скажу даже, ловко, что после нескольких уроков все почти большие певчие, даже и такие, у которых были частные и казенные уроки, приходили ко мне на лекции.

Мы с Львовым видались часто; в течение зимы в начале 1837 года иногда приглашал он к себе Нестора Кукольника и Брюллова и угощал нас дружески. Не говорю о музыке (он тогда играл превосходно Моцарта и Гайдна; у него же слышал я трио для 3-х скрипок Баха). Но он, желая привязать художников к себе, не жалел и заветной бутылки какого-нибудь редкого вина.

Я также часто видался с Жуковским и Пушкиным. Жуковский в конце зимы с 1836 на 1837 год дал мне однажды фантазию «Н о ч н о й с м о т р», только что им написанную. К вечеру она уже была готова, и я пел ее у себя в присутствии Жуковского и Пушкина²⁰⁵. Матушка была еще у нас, и она искренно радовалась видеть у меня таких избранных гостей.

По отъезде матушки в марте месяце жена моя расхворалась,

* Слово *часть* вписано карандашом рукой неустановленного лица.

и наконец образовалось у нее воспаление в легких. Пользовал ее С. Ф. Вольский; ему удалось спасти ее, но выздоровление шло медленно. Жили мы в Фонарном переулке, в доме Мерца ²⁰⁶, в той самой квартире, которую впоследствии заняли Кукольники с братией.

Болезнь жены поколебала мое верование в супружеское счастье; капризы ее после болезни совершенно уничтожили это верование.

Первая вспышка мне так памятна, что я расскажу ее подробно.

Стунеев Алексей жил в том же доме на Вознесенской, следственно очень недалеко, и Софья Петровна часто бывала у нас. Однажды в начале весны, еще не оправясь, вздумалось Марье Петровне навестить сестру свою; время было скверное, страшно свирепствовал жестокий северный ветер. Я упрасивал жену не ездить по причине дурной погоды, но она решительно заупрямилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увещания мои были тщетны, я принужден был употребить власть и повелительным тоном приказал кучеру отнюдь не сметь запрягать. Марья Петровна начала горько плакать, а теща в гневе разразилась бурным потоком упреков, причем гнев ее возрастал более и более, так что трудно было разобрать ее ломаный русский язык, а слышно было шипение, подобное шипению самовара. Наконец барыни успокоились; но огорчение глубоко запало мне в сердце.

Эти сцены начали повторяться, и всегда из пустяков. В таких случаях слышно было с а м о в а р н о о б р а з н о е шипение тещи и всхлипыванья жены; я же взял за правило хранить глубокое молчание, мерным шагом ходить взад и вперед по комнате и на каждом повороте, упираясь на правую ногу, тщательно обрисовывать носком левой полукруг, что несказанно бесило тещу, отчего, однако же, она скорее умолкала. Тогда я обращался к ней с вопросом: все ли она высказала? — Естественно, она снова приходила в бешество, но ненадолго; усталость замыкала ей уста, а я надевал медленно перчатки, брал шляпу и, учтиво раскланявшись с моими дамами, отправлялся к приятелям, где оставался иногда по несколько дней, смотря по тому, какова была домашняя сцена.

Великим постом переехали мы на казенную квартиру в певческий корпус. Вскоре после этого смоленское дворянство прислало мне чрез смоленского губернатора Н. И. Хмельницкого стихи с просьбою написать на них Польский с хором для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проезда цесаревича*²⁰⁷. За этот Польский по возвращению своем в Петербург Жуковский принес жене моей подарок е. и. высочества г. цесаревича в 1500 руб. асс. ценою: это был перстень, состоявший из рубина, украшенного алмазами. Великим постом того же 1837 исполнено было в патриотическом концерте трио из «Жизни за царя» «Н е т о м и, р о д и м ы й» необыкновенно удачно²⁰⁸. Пели его: княжна Лобанова²⁰⁹, Андреев (который был превосходен) и Андрей Пашков. Государь, присутствовавший на этом концерте, сказал стоявшему возле него А. Сту-

* В копии на полях рукой Глинки приписано: «Польский этот утрачен».

неву: «Глинка великий мастер, жаль, если при одной этой опере останемся».

В мае мы переехали на дачу Ланских между Черной речки и Выборгской дороги. Там жили и Одоевские, которых я часто навещал, и большею частью один. Огорчение от домашних сцен навело меня на горькие размышления; не один характер, но и недостаток воспитания жены моей решительно восставали противу семейственного счастья. Княгиня угадала все, хотя я тщательно хранил в тайне супружеские раздоры и все другие завидовали моему мнимому счастью.

Андрей Петрович Лоди, сын профессора, товарища отца Кукольника, возвратился из путешествия, предпринятого им для усовершенствования себя в пении. Его познакомили со мной; он пел, и голос его был столь приятен, что князь Одоевский, услышав его и з д а л и, сказал: «Какой прелестный голос, это бы была находка для театра».

Так думали и другие. Впоследствии Лоди определился в театр; он на сцене назвал себя Н е с т е р о в ы м, по имени Нестора Кукольника*. В течение того лета я часто бывал в городе и преимущественно у Кукольников**. Нестор издавал тогда «Художественную газету»²¹⁰, по этому случаю у него собиралось много художников, и я был там совершенно в моей сфере.

Мои занятия с певчими шли весьма успешно, и я видел быстрые успехи учеников моих, которые начали уже разбирать ноты довольно свободно. Я этим не ограничился и желал испытать силы свои в церковной музыке; написал «Х е р у в и м с к у ю» C-dur²¹¹ и принялся за фугу с т е к с т о м²¹², но без успеха. Сблизился я также с профессором Театрального училища С о л и в а; для него приказал разучить двуххорную фугу С а р т и²¹³, которую произвели успешно. Хотя помощник учителя пения Дмитрий Никитич Палагин б о й к о разумел свое дело, в особенности отлично умел управляться с малолетними, т. е. дискантами и альтами, однако же из усердия к службе я часто присутствовал при классах.

В конце лета Гедеев, с которым после постановки моей оперы я более и более сблизился, попросил меня учить пению в театральной школе избранных им четырех девушек. Все они были хорошенькие, между ними была также известная в то время красавица Степанова, игравшая роль П е к и в «Бронзовом коне»²¹⁴. Но не она, а другая воспитанница, не столь красивая, мало-помалу возбудила поэтическое чувство в душе моей²¹⁵. Время, проведенное мною с этими милыми полудетьми-полукокетками, принадлежит, может быть, к самому лучшему в моей жизни; их резвая болтовня, звонкий искренний смех, самая простота скромного наряда, которому, несмотря на то, они

* Зачеркнуто *который более других убеждал его поступить в театр*. Текст от слов *Так думали до слов поступить в театр* перечеркнут карандашом крест-накрест, в копии он выпущен. На полях автографа приписано карандашом: «По инаковому, NB контракт словесный Лоди с Плюшаром». Тут же помета чернилами: «NB Справиться».

** Зачеркнуто *Казенную квартиру, отведенную мне в доме Певческой капеллы, устраивали, и я приставал у Кукольников, тем более, что мне там было очень хорошо*.

умели придавать особенную прелесть, — все это было для меня ново и увлекательно. Одна из них вскоре как я начал уроки являлась всегда причесанная и одетая лучше других, и при моем появлении яркий румянец вспыхивал на ее свежих щеках; трудно было бы устоять или долго противиться невольному влечению чувства.

Но на время я оставляю милых учениц моих и упомяну о приготовлении Лоди к сцене.

Кавос в моем присутствии слышал голос Андрея Петровича в театре и остался им доволен. Решено было, чтобы он дебютировал в «Норме», в роли П о л л и о н а²¹⁶; этот выбор мне не понравился, но делать было нечего. Надобно было приучить Лоди уметь носить римскую тогу, и мы выдумали заменить т а к о в у ю простыней, в которую облекли бедного Андрея Петровича. Он с неизреченною кротостию подчинялся замечаниям всей братии нашей, которая не переставала в течение целого дня теревить его во все стороны.

Около того же времени по просьбе Петрова я принялся за прибавочную сцену для жены его в опере «Ж и з н ь з а ц а р я»²¹⁷. В одном месте a d a g i o я воспользовался дельным замечанием С о л и в а насчет движения басов, а именно:



Слова этой прибавочной сцены написаны Н. Кукольниковом в самое короткое время. Петров уверяет меня, что сцена эта была сочинена мною в течение одного дня и что на другой день я навестил его утром с партией для жены его.

Я иногда заходил к С о л и в а и намерен был упражняться с ним в строгом штиле, но эти занятия остались безуспешны, и вследствие каких-то вздорных сплетен мы с ним решительно поссорились.

Бенефис Петрова назначен был 19 октября 1837 года. За несколько времени перед тем захворала Степанова, и с разрешения директора роль Антонида отдана была С о л о в ь е в о й, которая всегда отличалась рассеянностью и беспамятностию. Я прилежно учил ее, но мои заботы вместо признательности возбудили в большей части лиц, к театру принадлежавших, явное неудовольствие, и вот по какой причине.

Меньшой сын Гедеонова Степан Александрович ухаживал за Степановой. Она пела тогда хорошо, хотя впоследствии Карл Брюллов и назвал голос ее с к в о з н ы м в е т р о м, и ей досадно было, что отдали ее роль сопернице, которая действительно пела некоторые места хотя не так отчетливо, но с большим увлечением. Романс «Н е о т о м с к о р б л ю» повторяли, к досаде старика Кавоса. Иван же Кавос советовал мне заниматься с Соловьевой не так усердно, но я, взявшись раз за дело, не хотел идти на п о п ы т н ы й д в о р! Дети

Гедеонова обращались со мною холодно, а потом и поссорились, несмотря на то, однако же, я продолжал бывать на сцене и учить в школе.

Кроме прибавочной сцены в течение 1837 года написал я два романса: «Где наша роза»²¹⁸ и «Ночной зефир»²¹⁹, слова Пушкина, и, помнится, — на квартире Степанова, у Измайловского моста, в доме Гарновского.

Первую мысль о «Руслане и Людмиле» подал мне наш известный комик князь Шаховской; по его мнению, роль Черномора следовало писать для Воробьевой. На одном из вечеров Жуковского Пушкин, говоря о поэме своей «Руслан и Людмила», сказал, что он бы многое переделал, я желал узнать от него, какие именно переделки он предполагал сделать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намерения²²⁰.

Гайдазовский, посещавший весьма часто Кукольника, сообщил мне три татарских напева; впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для *andante* сцены Ратмира в 3-м акте оперы «Руслан и Людмила».

Дома мне было не очень хорошо. Жена моя принадлежала к числу тех женщин, для которых наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и проч. были всё; музыку понимала она плохо или, лучше сказать, за исключением мелких романсов, вовсе не разумела — все высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вот образчик равнодушия Марьи Петровны к музыке: когда я начал писать «Жизнь за царя» в 1835 году, она жаловалась тетке моей (сестре моего отца) Марье Николаевне Зеледугиной, что я трачу деньги на нотную бумагу.

Иногда, однако же, приходили приятели к нам обедать, в числе их нередко бывал Петр Степанов. Вскоре после первого представления «Жизнь за царя» я познакомился с князем Михаилом Дмитриевичем Волконским и охотно учил пению покровительствуемого им певца Остроумова, коего он называл по своему имени Михайловым. Во время урока, я помню, мы вместе с Михайловым заметили пожар дворца. Это было ночью, и когда весь дворец вспыхнул, то осветило мои комнаты так, что читать было можно²²¹.

У Кукольника в ту же зиму завелись столь многочисленные рауты, что часто приходили к нему лица вовсе незнакомые. Курили так много, что на дыме можно было поговорить, как выражался Платон Кукольник. Ужинать оставались только наши самые искренние приятели, а чтобы выпроваживать лишних, употребляли мы живописца Якова Федосеевича Янненку. Он с некоторыми другими с шляпой в руке громогласно прощался с хозяевами и гостями, кои следовали его примеру, а чрез полчаса возвращался к ужину.

Великим постом того же 1838 года знаменитый скрипач Липинский приехал в Петербург. В концертах он мне не понравился, но привел в восторг сильной игрой в квартетах Бетховена²²². У Кукольника играл он последние квартеты Бетховена удивительно хорошо, виолончелист Кнехт мастерски вел свою партию — можно было

подумать, что они всю свою жизнь играли вместе. В то же время были в Петербурге скрипачи О л е Б у л ь и V i e u x t e m p s²²³.

Я отводил душу в школе и на сцене. Иногда я играл и пел; тогда на лице милой ученицы моей²²⁴ изображался неподдельный восторг. Другие ученицы и воспитанницы жадно слушали меня, даже малолетние девочки высыпали к дверям и не переводя дыхания слушали мое пение. Эти милые малютки, когда я приходил в школу, одна за другой забегали вперед, делали мне книксен и с милою улыбкою говорили мне: «З д р а в с т в у й т е , м о с ь е Г л и н к а».

Ученица моя с другими воспитанницами участвовала иногда и в спектаклях для у к р а ш е н и я их, как говорил директор. Мне памянее всех других пьес балет «В о с с т а н и е в с е р а л е»²²⁵. Ученица моя была очень мила в воинском наряде.

В 1838 году, на масляной неделе, по недоразумению я поссорился с Гедеоновым и прекратил уроки в Школе. Тогда же для милой ученицы моей написал романс «С о м н е н и е» для контральто, арфы и скрипки; слова Н. Кукольника²²⁶.

В конце апреля 1838 года я был послан по высочайшему повелению в Малороссию для набора певчих²²⁷. Заехав в Смоленскую губернию на самое короткое время, я встретил там Римского-Корсака, он по моей просьбе написал мне романс:

Всегда, везде со мною ты
Сопутницей моей незримой.

Этот романс написал я 20 или 21 мая того же 1838 в Новгороде-Северском и послал его в письме к Нестору Кукольнику для доставления бывшей ученице моей, о которой сохранил еще живое воспоминание. К этой музыке подобраны впоследствии слова Пушкина: «В к р о в и г о р и т»²²⁸.

Кстати о путешествии: мне дали казенные экипажи и прогонные деньги, равно как и сумму на другие расходы. В помощники назначили мне помощника учителя пения Дмитрия Никитича Палагина, певчего Нафанаила Никифоровича Шеинова и дядьку Г. Саранчина, при мне был Яков в качестве камердинера.

В Чернигове нашли мы несколько хороших голосов*. Выбирали мы их чрезвычайно тщательно. Приходили в классы семинарии, где учились дети того возраста, который нам был нужен, сначала выбирали тех, которые имели музыкальный слух и голос. Потом — лучших из них, так что из 40 мальчиков отбирали до 8, и этих брали к себе на квартиру, поили чаем и, обращаясь с ними как можно ласковее, неоднократно пробовали их слух и голоса, заставляя их следить за скрипкой Дмитрия Никитича. Некоторые мальчики были одарены столь тонким слухом, что следили непринужденно за всевозможными интервалами, даже за музыкальной чепухой, которую изошрялся производить Палагин, чтобы сбить их.

* На полях рукой Глинки написано карандашом: «О хоре архиерея Павла».

Центром своих операций я избрал поместье доброго моего знакомого, помещика Черниговской губернии, Борзненского повета, Григория Степановича Тарновского, куда мы с набранными в Чернигове детьми отправились. Съехав с большой дороги в местечке Монастырище, мы с трудом в течение почти целого майского дня перебрались на волах по разметанной речкою гребле и, переночевав в И ч е н и, к обеду на другой день были в поместье Тарновского К а ч а н о в к е.

Хозяина с семейством не было дома, он был у одного из соседних помещиков. Первое впечатление было в пользу владельца; подъезжали к поместью с нескольких сторон по стройным аллеям из пирамидальных тополей; дом большой, каменный, стоял на возвышении; огромный, прелестно раскинувшийся сад с прудами и вековыми кленами, дубами и липами величественно ласкал зрение. Но, осмотрясь, удивление уменьшалось: дом был как будто не окончен, дорожки в саду не доделаны. Был у владельца и оркестр, и недурной оркестр, но неполный, и духовые инструменты не все исправны. Даже управлявший оркестром первый скрипач Михайло Калинич был несколько туг на ухо. За обедом подавали много блюд, но повар, вероятно, также был недоучен. Одним словом, все обличало излишнюю расчетливость бездетного хозяина, владевшего 9000 душ и большими капиталами.

Хозяин, возвратившись, принял нас радушно и отвел мне с помощниками пристанище в оранжерее, которая примыкала к дому. По его же совету, отдохнув несколько, мы решились ехать в Переяславль, где находился хор певчих полтавского архиерея Гедео́на, и рассчитали так, чтобы успеть к обедне в воскресенье. Однако же ошиблись в расчете и приехали в Переяславль в субботу вечером. Тамошний городничий, ожидавший чиновника по следственному делу, неоднократно пытался добиться до меня и старался узнать, кто я и зачем послан, но не успел в своем намерении; Яков по моему приказанию отвечал только: «Не смею беспокоить их высокоблагородие». На другой день Палагин и Шеинов пошли к обедне, назвали купцами (охотниками до церковного пения), заметили лучших малолетних певчих, узнали и записали имена их и даже присутствовали на завтраке у архиерея и еще слышали его певчих. Я же, вставши попозже, остался дома и начал пить чай; тогда позволил допустить к себе переяславльского городничего. Он начал рекомендоваться с комически жалкою миною, низко кланяясь, и ни за что не хотел сесть, хотя я очень его о том упрасивал. Когда я расчел, что прошло достаточно времени и что уже помощники мои могли успеть в своем деле, я спросил у моего гостя, за кого он меня принимает, и, видя, что он еще более приходил в замешательство, объявил ему наконец, кто я и зачем приехал. Радость выразилась на его лице, он сел и, принявшись за чай, уверял меня, что он готов содействовать мне, что он во вражде с Гедео́ном и пр[оч].; я поблагодарил, объявляя ему, что, вероятно, уже дело сделано.

И действительно, мы так безжалостно обобрали хор, что Гедео́н долго после того на меня жаловался своим знакомым.

Оставя набранных певчих, мы отправились в Киев, откуда вывезли Гулака-Артемовского; он был очень любим товарищами; когда он выезжал из Киева, они провожали его с плачем.

Забрав в Переяславле оставленных певчих, возвратились мы в Качановку. Все набранные мальчики находились под присмотром дядьки Саранчина, упражнялись в пении с помощником учителя пения Палагиным, пели также с хором Тарновского и ходили к обедне, где также с другими пели.

Мы потом ездили для набора певчих в Полтаву, Харьков и Ахтырку и привезли несколько малюток.

Хотя было всех набранных нами 19 мальчиков и 2 больших (кроме Гулака, который не все время был в Качановке, а ездил к брату, с которым и приехал осенью в Петербург)²²⁹, несмотря на то, хозяин был искренно рад, и, окончив набор, мы прогостили у него долго. Он был очень самолюбив, и мысль, что придворные певчие поют с его хором в его церкви, видимо, его радовала.

Несколько слов о жизни моей в Качановке.

Григорию Степановичу Тарновскому было лет под 50, он был смугл и сух, числился где-то по службе и состоял в звании камерюнкера. Анна Дмитриевна, жена его, была женщина приземистая и весьма толстая, очень молчаливая; любила, чтобы девки ей растирали ноги. В доме жили и воспитывались племянницы хозяев, большею частью молодые, добрые и приветливые девушки, при них гувернантка, весьма милая особа; у домашнего доктора также была миловидная дочка. Из племянниц самая меньшая, лет четырнадцати, Марья Степановна Задорожная, была очень миловидна; за обедом она обыкновенно сидела напротив меня, и невольно ее плутовские, несколько прищуренные глазки встречались с моими глазами, за что ей нередко доставалось от ее тетушки.

Во все продолжение пребывания моего в Малороссии гостил в Качановке талантливый наш художник, очень приятный молодой человек Штернберг.

Несмотря на расчетливость, хозяин принимал гостей радушно и старался по возможности разнообразить удовольствия. Прогулки, поездки в близлежащие поместья хозяина, иллюминации и танцы — все эти средства были употребляемы для нашего развлечения. Когда приезжало несколько соседей, танцевали; сам Тарновский поощрял гостей собственным примером, в особенности в гротескфатере, которого фигуры он выделял с необыкновенным усердием. Пели иногда малороссийские песни хором на четыре голоса, а иногда сосед Тарновского Петр Скоропадский затягивал какую-нибудь чумацкую песню, искусно подражая простолюдинам. Он был примечательный человек, и хотя хозяин наш называл его простым козаком (вероятно, потому, что П. Скоропадский действительно в одежде и приемах подражал простым козакам и не искал особенной дружбы с Тарновским), однако же в самом деле он воспитан был в Московском университетском пансионе, был очень образован и доступен искусствам.

Разумел архитектуру, играл порядочно на кларнете и чувством понимал хорошую музыку.

В портфеле моем нашлись два №, приготовленные (не знаю когда) для «Руслана»; Персидский хор — «Ложится в поле мрак ночной» — и марш Черномора²³⁰, обе эти пьесы слышал я в первый раз в Качановке; они были хорошо исполнены, в марше Черномора колокольчики заменили мы рюмками, на которых чрезвычайно ловко играл Дмитрий Никитич Палагин.

Играли, и очень недурно, антракты «Эгмонта» Бетховена — номер «Clärchens Tod» произвел на меня глубокое впечатление, в конце пьесы я схватил себя за руку, мне показалось от перемежки движения валторн, что и у меня остановились пульсы.

Для Гулака-Артемовского я положил на оркестр элегию «Шуми, шуми», музыка Геништы²³¹. Гулак пел ее хорошо, но выговор его был несказанно жесток.

Сосед Тарновского, мой пансионский товарищ Н. А. Маркович, помог мне в балладе Финна: он сократил ее и подделал столько стихов, сколько требовалось для округления пьесы.

Мне очень памятно время, когда писал я балладу Финна²³²: было тепло, собрались вместе я, Штернберг и Маркович. Покамест я уписывал приготовленные уже стихи, Маркович грыз перо, нелегко ему было в добавочных стихах подделываться под стихи Пушкина, а Штернберг усердно и весело работал своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пел с оркестром.

Малороссийский поэт Виктор Забелла иногда также гостил в Качановке; две его малороссийские песни: «Гуде вите» и «Не щербечи, соловейко» — я положил тогда же на музыку²³³. Этот Забелла был необыкновенный мастер представлять в лицах; в особенности хорошо представлял он слепцов. Первый скрипач Калинин однажды был приведен от такового представления в столь сильный восторг, что воскликнул: «Этот сударь мой, вошь бство, совершенный антик».

Хозяин, который говорил таким же ломаным языком, как и первый скрипач его, был чрезвычайно аккуратен, и все наши удовольствия и сюрпризы непременно оканчивались до полуночи и ранее, причем хозяин вежливо раскланивался, и гости расходились.

Но не все предавались сну; у меня в оранжерее собирались Маркович, П. Скоропадский, Забелла и Штернберг. Появлялся Палагин со скрипкой, Яков с контрабасом и виолончелист; играли русские и малороссийские песни, представляли в лицах и беседовали дружески иногда до трех и четырех часов пополуночи, к некоторой досаде аккуратного хозяина. Эти сцены повторялись часто, и Штернберг удачно изобразил наши сходки, равно как ловко потрафил Забеллу²³⁴.

В память нашего житья в Качановке он сделал мне масляными красками эскиз сцены, нередко забавлявшей нас: двум мальчикам из дворовых хозяина завязывали глаза и привязывали каждого порознь веревочкой к вбитому в земле колышку, так что они могли ходить на некоторое расстояние независимо один от другого. Одному

давали в руки две палочки, одну нарезанную так, что посредством трения одной об другую производился звук, подобный трещотке, другой же, вооруженный жгутом, по слуху должен был достигать своего противника и потчевать его ударами жгута; это натурально производило столь забавные положения, что не только избранные малолетние певчие, и взрослые люди усердно смеялись. На картине Штернберга (мне им самим подаренной)* с левой стороны портреты Калинича, регента и одного из скрипачей Тарновского, некоторые из певчих и дядька несколько также похожи.

Я приказал сделать для набранных певчих приличную одежду и строить крытые телеги. Сам же съездил на ярмарку в Ромны, где едва не утонул в грязи; с трудом вытащили меня из грязной густой реки, образовавшейся на главной улице города, четыре сильные лошади Тарновского. Перед отъездом в большой компании навестил приятеля Корбе, Марковича и, уехав из Качановки, прогостил у Петра Скоропадского в Григоровке²³⁵, где шло мне разное общество. Тарновский с племянницами, распростившись со мной в Качановке, ловко объехал, и в нескольких верстах я опять нашел его с племянницами в роще из огромных вековых дубов, где выпили прощальный бокал шампанского.

В Григоровке Петро Скоропадский угостил нас так радушно, что, когда мы уехали, не осталось ни капли питей и ни одной домашней птицы.

В Орле²³⁶ угощал меня с особенным радушием тамошний вице-губернатор Семенов. Там был также известный генерал Красовский, он полюбил меня и снабдил превосходным вином из своего погреба, которым я продовольствовался до самой Москвы.

По возвращении моем в Петербург я застал матушку, которая оставалась недолго. Не помню хорошенько, возобновлялись ли домашние сцены, знаю только, что требования жены довели меня до необходимости издать «Собрание музыкальных пьес», напечатанное уже в 1839 году²³⁷.

Собирать эти пьесы мне было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартире, с дровами, имея собственных лошадей, я получал от матушки до 7000 р. ассиг.; сверх того, по своему месту 2500 р[уб]. асс. С приобретаемым мною сверх того моими сочинениями можно бы благоразумно жить опрятно. Я все деньги отдавал жене, оставляя себе самую ничтожную сумму на непредвиденные мелкие расходы, и хотя четверка красивых коней с каретой стояла в сарае и в конюшне, ими изредка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пешком или на дрянном извозчике.

Набранные мною певчие переболели глазами во время обратного пути; когда они оправались и их прилично обмундировали, я имел счастье представить их государю императору²³⁸. Это представление

* Я обещал дать во владение эту картину талантливому нашему актеру В. В. Самойлову, с тем чтобы впоследствии она была отдана в императорскую Академию художеств с приличною надписью.— *Примеч. Глинки.*

было в знаменной зале, возле кабинета его величества. Я расположил певчих полукругом, сам же я стоял посредине их в мундире со шпагой, трехугольной шляпой в левой руке и камертоном в правой (так угодно было А. Ф. Львову, который тут же присутствовал). Император явился в старом военном сюртуке, без эполет, в сопровождении министра двора. Государь с веселым лицом обратился ко мне почти в следующих словах: «Ах! какие молодцы! Где ты их подобрал под рост себе?» — потом спросил, что я держу в руке. Я объяснил, что такое камертон и его назначение. На вопрос е. и. величества: что певчие знают? я смело отвечал (ибо Д. Н. Палагин отлично подтянул их), что они знают все требуемое по службе. Мы знали по прежним примерам, как государь экзаменует вновь набранных певчих, и тщательно их приготовили к экзамену. Действительно, император начал с «С п а с и, г о с п о д и, л ю д и т в о я», и его величество не успел задать тон, как 19 мальчишек и два баса дружно подхватили и отлично исполнили NB этот кант (?). Государь был видимо доволен, заставил их еще пропеть, что такое? — не помню. В знак удовольствия его величество поклонился мне весело-шутливо до пояса, отпуская меня.

Этим не ограничилось изъявление монаршего благоволения ко мне. Однажды, увидев меня на сцене, государь подошел ко мне и, обняв меня правой рукой, прошел, разговаривая со мною, несколько раз по сцене Большого театра в присутствии многих находившихся тогда на сцене, и между прочими министра двора, который мне в пояс поклонился.

6 ноября того 1838 года я в первый раз присутствовал в церкви Аничкинского дворца на бракосочетании Алексея Федоровича Львова.

После этого я почти постоянно присутствовал на литургии в церкви Аничкинского дворца и потом в Зимнем дворце на больших и малых выходах.

Иногда приглашали меня на вечера к е. и. в. государыне императрице, где ее величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила, бывало, фрейлине Бартеневой, говоря обо мне: «Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose»*.

Когда все пьесы, как мои, так и других композиторов, были уже собраны, встретилось новое неожиданное затруднение: ни один из музыкальных издателей не решался купить это собрание; я плакал от досады, и Платон Кукольник, сжалившись надо мною, уладил с Петром Ивановичем Гурскалинным, державшим магазин под фирмой «О д е о н», издание этого собрания за 1000 руб. асс.

Около того же времени я получил в награждение за набор певчих 1500 руб. асс.

Это приобретение успокоило на время моих домашних, но вместо того чтобы употребить эту сумму на устройство домашнего быта, завелись обеды и р а у т ы²³⁹. На этих последних, бывших раз в неделю (не помню, в какой именно день), собирались по вечерам кроме приятелей, приятельниц жены и родных артисты и литераторы,

* «Скажите вашему другу, чтобы он то или иное сыграл или спел» (франц.).

в главе которых были Брюллов и Н. Кукольник. Михайлов и Артемовский, как ученики мои, непременно присутствовали на наших вечерах. Первое время по приезде из Малороссии Артемовский жил у меня, и нелегко мне было управляться с его крутым нравом. Угощение состояло из чая с сухариками, крендельками и пр[оч]. и десерта; в карты не играли и не танцевали; беседы и музыка, часто пение в несколько голосов вместе (*chorseaux d'ensemble*) составляли главное препровождение времени на наших раутах. Из барынь бывали: графиня Екатерина Михайловна Салтыкова (соседка наша по имению) изредка, чаще бывала Елена Александровна Глинка с приятельницей своей Крекшиной. Миловидная 14-летняя девушка Надежда Андреевна Содольская (состоявшая в свойстве* с Софьей Петровной Стуневой) была у нас домашнею; она очень недурно играла уже на фортепиано; впоследствии она вышла замуж за Г. Е. Ломакина.

Кроме того, иногда на вечерах и в другие дни посещали нас, и меня в особенности, Штеричи: родные племянницы умершего моего друга Е. П. Штерича. Меньшая из них, Поликсена, училась у меня петь, а старшая — княгиня Мария Алексеевна Щербатова, молодая вдова, была прелестна, хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина²⁴⁰. Они жили с бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно поседевшей от смерти обожаемого сына.

Я был у них как домашний, нередко обедал и проводил часть вечера (*l'avant-soirée*)**. Иногда получал от молодой княгини-вдовы маленькие записочки, где меня приглашали обедать с обещанием мне порции луны и шубки. Это значило, что в гостиной княгини зажигали круглую люстру из матового стекла и она уступала мне свой легкий соболий полушубок, в котором мне было тепло и привольно. Она располагалась на софе, я на креслах возле нее; иногда беседа, иногда приятное безотчетное мечтание доставляли мне приятные минуты. Мысль об умершем моем друге достаточна была, чтобы удержать мое сердце в пределах поэтической дружбы.

Бывали мы также у графини и графа Салтыковых, где нас принимали чрезвычайно радушно и ласкали. У них я сблизился еще более с генералом Леонтием Васильевичем Дубельтом, с которым познакомился еще прежде в ложе директора в Большом театре.

Вскоре по моем возвращении из деревни*** в 1838 году Дмитрий Стунеев был назначен управляющим экономическою частью в Смольном монастыре; по этому случаю он с сестрою Марьей Ивановной и двумя детками переехал в Петербург и поселился на казенной квартире в Смольном монастыре²⁴¹. Сначала я видался с сестрою и зятем редко: жене и теще удалось меня с ними поссорить, однако же впоследствии Алексей Стунеев уговорил меня ехать к брату своему Дмит-

* В оригинале ошибочно *в сватовстве*.

** Ранний вечер (*франц.*).

*** Начало фразы зачеркнуто карандашом; на полях рукой Глинки карандашом приписано: «NB Переделать с исключ.»

рию. Зимой в 1838 на 1839 год я довольно часто посещал их. Они жили очень весело; иногда по вечерам инспектрисы брали с собой несколько воспитанниц, приходило несколько классных дам; Стунеевы, я, Степанов и несколько других приятелей рады были поплясать с миленькими и хорошенькими девушками. Оркестр, хотя и не отличный, был всегда в распоряжении Д. Стунеева²⁴², а сытный ужин с приличными винами являлся всегда кстати для довершения вечера. Я и теперь еще ясно помню, как я охотно, от души певал на этих вечерах, как я усердно отличался в контраданцах и вальсах, как, одним словом, от искреннего сердца веселился.

Не столь ясны воспоминания мои о том, как писал оперу «Руслан и Людмила». Кроме пьес, произведенных в Качановке, а именно: Персидского хора, марша Черномора и баллады Финна, принялся я за каватину Гориславы «Любви роскошная звезда»; это было зимою около 1838 или 1839 года²⁴³. Я всегда писал только утром, после чаю, и от этой каватины меня беспрестанно отрывали: не успевал я написать страницы или двух страниц, как являлся дядька — унтер-офицер, руки по швам, и почтительно докладывал: «Ваше высокоблагородие! певчие собрались и вас ожидают». Кто ожидал? Кто посылал дядьку? До сих пор не знаю; знаю только, что иногда, пришедши в репетиционную залу, заставал я уже там и Львова, который дружески протягивал мне руку.

Не помню также, когда и где написана мною каватина Людмилы 1-го акта «Грустно мне, родитель дорогой» etc. (G-dur). Ее исполнила Бартенева с хором и оркестром в патриотическом концерте весною 1839 года²⁴⁴. Я ожидал большого успеха, аплодировали, но не так дружно, как я привык; знаменитый скрипач Липинский, стоявший возле меня, слушал эту каватину с неподдельным участием и в конце ее пожал мне дружески руку, сказав: «Que c'est bien russe, cette musique-là»**.

Кроме этих пяти пьес в то уже время были записаны темы с ображениями контрапунктическими в тетрадку, данную мне для того Н. Кукольником, — она теперь находится у П. Степанова.

Я писал оперу по кусочкам и урывками. Мысль о этом сюжете, как сказано прежде, подал мне кн. Шаховской; я надеялся составить план по указанию Пушкина, преждевременная кончина которого предупредила исполнение моего намерения.

В 1837 или 1838 году, зимою, я однажды играл с жаром некоторые отрывки из оперы «Руслан». Н. Кукольник, всегда принимавший участие в моих произведениях, подстрекал меня более и более. Тогда был там между посетителями Константин Бахтурин; он взялся сделать план оперы и намахал его в четверть часа под пьяную руку, и вообразите: опера сделана по этому плану!²⁴⁵

* Слова *Кто ожидал?* в оригинале написаны дважды; вторая фраза вычеркнута карандашом.

** «Какая это истинно русская музыка» (франц.).

Бахтурин вместо Пушкина! Как это случилось? — Сам не понимаю.

Около того же времени познакомили меня с капитаном свитским Валерьяном Федоровичем Ширковым, как с человеком, вполне способным написать либретто для новой моей оперы. Действительно, он был весьма образованный и талантливый человек: прекрасно рисовал и писал стихи очень свободно. По моей просьбе он написал для пробы каватину Гориславы «Любви роскошная звезда» и часть первого акта²⁴⁶. Опыт оказался очень удовлетворительным, но вместо того, чтобы сообразить прежде всего целое и сделать план и ход пьесы, я сейчас принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическом движении и ходе пьесы, полагая, что все это можно было уладить впоследствии.

На третий день пасхи я навестил Одоевского, откуда отправился к сестре Марье Ивановне Стунеевой. Подъезжая к ней, я внезапно почувствовал сильное нервное раздражение, так что не мог оставаться спокойным и, приехав к сестре, ходил взад и вперед по комнатам. Там увидел я в первый раз Е. К.²⁴⁷ Она была нехороша, даже нечто страдальческое выражалось на ее бледном лице. Ходя взад и вперед, мой взор невольно останавливался на ней; ее ясные, выразительные глаза, необыкновенно стройный стан и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей ее особе, все более и более меня привлекали. Оправясь несколько после сытного обеда и подкрепив себя добрым бокалом шампанского, я нашел способ побеседовать с этой милой девицей и, как теперь помню, чрезвычайно ловко высказал тогдашние мои чувства.

Нервное раздражение, однако ж, несмотря на все мои усилия побороть его, усиливалось более и более; желая как можно скорее освободиться от него, я вздумал, себе же на беду, прибегнуть к камфарному спирту, что раздражало нервы мои жесточайшим образом, и я лишился сна, аппетита и стонал от мучительных ощущений. Наконец кн. Мих. Дмит. Волконский привез ко мне доктора Ш е р и н г а, который гомеопатическим употреблением серы и золота в две недели меня поправил.

Во время болезни Львов был у меня и читал мне наставления о том, что я не радею о службе, в выражениях самых вежливых, даже дружеских; я молчал, но по выздоровлении начал посещать певчих р е ж е п р е ж н е г о.

Весною мы с кн. Мих. Волконским устроили концерт для Артемовского. В нем участвовали Билибина, две княжны Лобановы, Андреев, для которого я оркестровал арию из «G u i d o и G i p e v g a» Галеви, пела также жена моя дуэт из «Жизни за царя» с Артемовским. Играл на скрипке Бахметьев пьесы своего сочинения²⁴⁸.

Концерт этот был в зале князя Юсупова, оркестр был по возможности пополнен.

На собранные в этом концерте деньги Артемовский отправился летом того же 1839 года за границу.

В конце мая мы переехали на дачу у Лесного института. Я бывал

там не часто под предлогом занятий по службе; в городе пристанище мое было у Кукольников, в доме Мерца в Фонарном переулке, откуда я часто навещал сестру в Смольном. Чтобы скрыть настоящую причину частых моих посещений, предлогом послужили мне занятия мои с оркестром, принадлежавшим заведению. Он состоял из двух плохих 1-х скрипок, одной второй, одного альты (не помню, был ли виолончель), контрабаса, флейты, кларнета, валторны, тромбона и турецкого барабана; когда они играли, седой чиновник по имени Меньшиков²⁴⁹ с крестом в петлице усердно давал такт, постоянно махая свертком бумаги.

Хотя оркестр этот был очень плох, я привел его несколько в порядок. Сначала переложил для него вальс Лабицкого G-dur²⁵⁰ и, соображаясь с средствами музыкантов, написал другой вальс, G-dur, который впоследствии посвящен был е. и. в. великой княгине Марии Николаевне²⁵¹.

Вскоре чувства мои были вполне разделены милою Е. К., и свидания с нею становились отраднее. Напротив того, с женою отношения мои становились хуже и хуже. Она редко бывала у сестры в Смольном. Приехав к ней однажды, жена моя, не помню по какому поводу, в присут[ствии] Е. К. и Катерины Степановны (дочери няни моей И. Ф. Мешковой, бывшей у сестры нянькой при детях), с пренебрежением сказала мне: «Все поэты и артисты дурно кончают; как, напр[имер], Пушкин, которого убили на дуэли». — Я тут же отвечал ей решительным тоном, что «хотя я не думаю быть умнее Пушкина, но из-за жены лба под пулю не подставляю». Она отвернулась от меня, сделала мне гримасу.

Летом пала одна лошадь из нашей четверки. Я хотел воспользоваться этим случаем, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявил об этом жене, она вышла из себя и, побледнев от гнева, подбоченясь и притопнув ногою, сказала надменным тоном: «Разве я купчиха, чтобы ездить на паре? Если вы меня не любите, то я вас оставляю»*. Два раза делала она мне подобные угрозы и два раза я кротко отвечал ей: «Марья Петровна, не повторяйте слов ваших. Вы меня оставите, дело для меня обойдется, а ежели бы я вас оставил, то бы не совсем ловко вам было».

Всякий раз, когда Марья Петровна являлась в свете, она, казалось, была:

Слиянье роз и лилий**²⁵².

Но таков ли был домашний утренний костюм ее?

Вставши, она надевала один из моих халатов, невытая, с заспанными глазами, нечесанная, в туфлях на босу ногу, с чубуком в зубах и ругательствами на языке (когда обращалась к служанкам), она расхаживала по комнатам и отдавала свои приказания. Вместо роз

* На полях рукою Глинки приписано карандашом: «Бал на водах».

** Рукою В. В. Стасова приписано: «Из романа „Не называй ее небесной“».

и лилий, преждевременно поблекшее лицо тщеславной супруги моей покрыто было серо-голубоватым болезненным цветом: следствие неумеренного употребления косметических средств.

Я не часто бывал у Марьи Петровны на даче.

Все в жизни к о н т р а п у н к т, т. е. противоположность. Я сам вижу, что выхожу из пределов бесстрастного летописца. Винюсь, но изменить теперешнего способа писать я не в силах.

Мне гадко было у себя дома, зато сколько жизни и наслаждений с другой стороны: пламенные поэтические чувства к Е. К., которые она вполне понимала и разделяла. Широкое приволье между доброй, милой и талантливой б р а т и е й. Так называли мы общество, образовавшееся еще с 1835 или 1836 года у Кукольника и слившееся потом в одну искреннюю, добрую, дружную семью. Платон Кукольник был хозяином. Он приказал уничтожить часть стены, отделявшей темную комнату от одной из угольных в доме Мерца в Фонарном переулке. Из этой комнатки образовалась алькова, в которой устроили широкий диван из клеенки и продолжили его вдоль по одной из стен прилегавшей светлой комнаты. Платон, как хозяин, жил в особенной комнате. Мы же все, т. е. Нестор Кукольник, я, рыцарь К о к о (Ник. Фед. Немирович-Данченко, родственник Кукольников) и рыцарь Б о б о (Влад. Ив. Богаев, усердный чиновник), помещались на диване: у каждого из нас было свое место, и оставалось еще где дать пристанище тем из приятелей, которые, запоздав, желали ночевать у нас. К. Брюллов и Янненко более других пользовались этим приглашением; кроме них посещали нас часто Гейденрейх, Лоди и другие.

По утрам нас всех поили чаем, после чего остаток дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывал у сестры Марьи Ивановны. Вечером мы сходились, тут шли рассказы. Иногда ужинали, и тогда это был праздник не от яств и вина (нам не на что было лакомиться), но от разнообразной оживленной беседы. Большая часть нашей братии были люди специальные, приходили и посторонние лица, но всегда народ дельный, или Петров с могучим своим басом, или Петр Каратыгин с неистощимым запасом каламбуров собственного изделия, или кто-либо из литераторов, и разговор оживлялся, переходил с предмета на предмет, и время быстро и приятно улетало.

Иногда мы певали, в таком случае те, которые менее других принимали участие в беседах, выступали на первый план, а именно: Янненко и Данченко (Коко); Янненко чрезвычайно искусно подражал *pizzicato* не только басовым, но и скрипичным, для большего эффекта он обыкновенно подкрадывался к кому-нибудь из новопришедших лиц и, когда приходила его очередь и *solo dei pizzicati*, он вдруг пронизывал гостя пиццикатами так ловко, что казалось, что он действительно становился контрабасом. Не одно изумление гостя, обращенного в инструмент, было забавно; в то же самое время Данченко весь становился *pizzicato*; они выражались в глазах, улыбке и ужимках его.

Лучше всех других пьес певали мы песню:

Чарочки по столику похаживают etc.²⁵³

Стих:

Думаю, подумаю, идтить ли за него
обыкновенно пелся пиццикатор, что действительно было эф-
фектно.

Кукольник Нестор иногда писал нам куплеты *de circonstance**; мы подбирали музыку, или я сочинял ее, разучивал и управлял хором.

Он же (Кукольник) описал нашу братию, или Комитет, в довольно удачных стихах. Приведу здесь некоторые:

Вот входит на момент
Андрей Петрович Лоды,
Не пьющий пьяница, охрипый
с юных дней;
Спешит на ватер-клоз
и, сидя, просит соды,
И арию поет, как жертву
для друзей.

От сна смертельного ты
Данченку воздвигни,
Что в сутки трое суток
Спит.

С улыбкой блудною да
Внидет в Комитет.

Эта улыбка была очень забавна и немало содействовала к общему веселию во время хорового пения.

Гейденрейх почти постоянно сидел за шахматной доской; вот стихи Кукольника об нем:

Вот доктор розовый,
И немец и поджарый,
За шахматной доской
Как вкопанный сидит.
Не соблазнишь ничем,
Ни трубкой, ни сижарой**,
Но пиво и рейнвейн
Кого не соблазнят.

* На случай (франц.).

** Намек на редактора Краевского или, как мы его звали, Краежского. —
Примеч. Глипки.

Рыцарь Бобо (Богаев) по возвращении из должности редко отходил от своей конторки, трудясь с похвальным постоянством над делами. Он был влюблен в молодую вдову, жившую с матерью, вдовою же. Про него, между прочим, Кукольник написал:

Где был? — У вдовушек.
Что делал? — Был влюблен.

Рыцарь Бобо сказал однажды Лоди, указывая на вдовушку: «Смотри, как она мыло улибается». Теперь В. И. Богаев женат на своей возлюбленной и занимает очень хорошее место. В течение этого года я часто бывал у Степановых и сблизился с Николаем Алек[сандровичем], известным нашим карикатуристом.

Ex officio* я присутствовал на обручении и бракосочетании е. и. в. великой княгини Марии Николаевны. Во время обеда играла музыка, пел тенор Roggi (муж Фрецолини) и придворные певчие; я был на хорах, и стук ножей, вилок, тарелок поразил меня и подал мысль подражать ему в интродукции «Руслана», что мною впоследствии по возможности выполнено.

В продолжение всего 1839 года я за оперу не принимался, написал же Вальс (G-dur)²⁵⁵ и Польский (E-dur)²⁵⁶ для оркестра и посвятил их великой княгине Марии Николаевне. Е. К. выбрала из сочинений Кольцова и переписала для меня романс «Если встречусь с тобой» — я его тогда же положил на музыку²⁵⁷. Для нее написал *Valse-fantaisie*, хотя напечатанные экземпляры и посвящены Д. Стунееву²⁵⁸. Для сестры Елисаветы Ивановны, бывшей тогда с полуглухонемым племянником Соболевским в Петербурге, написал я ноктюрн «La séparation» (f-moll) для фортепиано²⁵⁹. Принялся также за другой ноктюрн «Le regret»**, но его не кончил, а тему употребил в 1840 году для романса «Не требуй песен от певца»²⁶⁰.

В августе скончался брат мой Андрей Иванович. Ему было лет шестнадцать, он был красивой наружности, чрезвычайно счастливых способностей, особенно гениального расположения к математике: теоремы геометрические мог разрешать без указания профессора. Он был первый в верховой езде в Школе Гвардейских подпрапорщиков: возвратясь из лагеря, гостил у меня на даче с неделю или две. Мы с ним очень подружились за это время.

В последний раз еще на ногах я видел его у сестры Марьи Ивановны. Когда я из квартиры Кукольников в тот день поехал к ней, от самого начала Шпалерной улицы до самого Смольного меня провожала с лаем и остервенением черная собака, она металась на одного меня так злобно, что я должен был положить ноги свои почти на шею извозчику, несмотря на то, что навстречу нам попадалось множество экипажей и телег. Я нашел брата изменившимся в лице; на вопрос

* По долгу службы (лат.).

** На полях рукой Глинки приписано карандашом: «Бал на водах».

мой: «Что с тобой, Андгё?» — он отвечал мне: «Ничего, голова болит».

Сестра вздумала играть в карты; брат тогда поставил мне стул подле Е. К. Поиграв несколько, сестре вздумалось печатать письма. На столе стояли две зажженные свечи, а сестра для большого удобства зажгла еще свечку в маленьком подсвечнике. Е. К. заметила сестре, что нехорошо, когда горят три свечи на столе; не обратив внимания на это предостережение, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свечки.

Недели за две перед тем гостила у Софьи Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала в карты, всегда ложились все пики, так что она, наконец, стала прятать их от меня.

На другой день после свидания с братом у сестры ему сделалось хуже, а на третий день он скончался от воспаления кишок, перешедшего в антонов огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня несказанно. Взявши 28-дневный отпуск, в сентябре я отправился к матушке в деревню с сестрою Марьею Ивановною и дядею Иваном Андреевичем²⁶¹. Во время пребывания в Новоспасском я прихварывал, что впоследствии повторялось всякий раз, когда я бывал в деревне.

Накануне моего отъезда из Новоспасского зять мой Яков Михайлович Соболевский выразился, не помню по какому поводу, о неверности жены моей таким положительным образом, что меня взорвало, и я тут же сказал ему, если так, то я брошу жену, в чем он усомнился. Все время обратного пути я был в лихорадочном состоянии. Оскорбленное самолюбие, досада, гнев попеременно мучили меня.

Приехав в Петербург, я вышел из кареты и на извозчике отправился домой, думая застать жену врасплох, но меня ожидали, и меры предосторожности были приняты моими барынями.

Под предлогом болезни я перешел ночевать в свой кабинет, где жил тогда брат жены Алексей Петрович Иванов, он был флотским лейтенантом и был добрый и хороший человек; поведение жены моей глубоко огорчало его, он искренно любил меня и в моем отсутствии часто делал упреки матери своей за ее гнусное потворство.

Жена и теща не могли не заметить перемены, происшедшей во мне; жена на коленях умоляла меня защитить ее от клеветы, я ее старался успокоить, но не отставал от предпринятого намерения: уличить жену на месте преступления. Все предпринимаемые мною меры были тщетны. Я мучился; прибегал к советам опытного и многоуважаемого мною дальнего родственника Александра Васильевича Козодаева; он был дружен с отцом моим, был искренно предан нашему семейству и неоднократно помогал нам советами и влиянием своим в делах наших.

Все было тщетно; случай, однако же, послужил мне более всех моих предприятий и советов других.

Изнуренный долговременным страданием от непрерывного борения страстей, я однажды заснул в присутствии тещи и жены. Я могу крепко спать под стук и шум, но шепот или легкий шорох сейчас

будят меня, что тогда и случилось: вошла старая чухонка, служанка тещи, и, подошед к ней, тихонько начала шептать по-немецки. Я притворился, будто я сплю, начал будто бы храпеть, а между тем старался уловить каждое слово тайного разговора. Наконец собственными ушами слышал, как теща с старухой устраивала свидание для дочки своей с ее любовником. Для меня это было достаточно; не говоря ни слова об этом, на другой день утром я простился с женою и отправился к Николаю Степанову, которому были вполне известны мои тогдашние намерения.

Кроме измены, я имел еще полное право негодовать на жену за ее неуважение к моей матери, обращавшейся с нею всегда чрезвычайно ласково и часто делавшей ей подарки. В бытность мою в Малороссии матушка моя в 1838 году приехала в Петербург по делам и остановилась на моей квартире. Жена и теща были тогда в Ревеле; возвратясь, вместо того чтобы угождать матушке и лелеять ее, они отняли даже необходимые мебели из занимаемой ею комнаты!

Сообразив все, я решился объявить о моем намерении оставить жену посредством письма, которое отправил к ней вечером 6 ноября.

Вот приблизительно его содержание:

«Причины, о которых я считаю нужным умолчать, заставляют меня расстаться с вами, но мы должны это сделать без ссор и взаимных упреков.— Молю провидение, да сохранит вас от новых бедствий. Я же приму все меры для возможного устройства судьбы вашей и потому намерен выдавать вам половину моих доходов»*.

Это письмо не произвело сильного впечатления на Марью Петровну; когда же на другой день я приказал крепостным людям, в моем услужении находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкой мне данных, выпороть из мебели, бывших в гостиной, шитье моих сестер и некоторые другие вещи, драгоценные мне, потому что я получил от уважаемых и любимых мною лиц (все прочее, как-то: бриллианты, мебели, карету и пр[оч]). оставил жене), тогда Марья Петровна заплакала не в шутку; говорят даже, что ее оттирали.

Все петербургское бабье под предводительством графини Е. М. Салтыковой и Е. А. Глинкиной восстало против меня, и злословию их не было пределов. Я, во избежание неприятных посещений, не допускал к себе никого, кроме немногих самых искренних приятелей, захворал и по болезни жил безвыходно на квартире Степанова, в Гарновском доме у Измайловского моста. Несколько дней после разрыва с женою я получил приглашение от сенатора Сумарокова (который любил меня и Марью Петровну) навестить его в 12 часов утра на другой день. По моей привычке я приехал к нему полчаса раньше; он этим видимо был встревожен, неоднократно повторял, что назначил мне ровно в двенадцать часов быть у него. Я подозревал замысел противу меня и не ошибся; ровно в двенадцать часов дверь

* Рукou В. В. Стасова приписано: «Очень близко с письмом к матери 8 ноября 1839, где есть копия подлинного».

отворилась и вошел с важным видом учивший и венчавший меня протоиерей Алексей Малов. Тут начали убеждать меня примириться с женою или, по крайней мере, жить с нею хоть розно, но под одной кровлей. Это последнее предложение и з о б р е т е н о было сенатором. Целый час я упорно и ловко защищался и, наконец, так решительно и удачно уничтожил все их доводы, что они должны были умолкнуть.

После этого я целый месяц не выходил из дому; был только раз у Львова, объявляя ему, что я более служить был не в силах. Львов убедил меня остаться еще с полтора месяца, дабы дослужить до следующего чина. 18 декабря 1839 года я был уволен от службы с чином коллежского асессора²⁶².

В это время опасно заболела Е. К.; сестра Марья Ивановна, часто навещавшая меня в доме Гарновского, скрыла от меня это обстоятельство из опасения огорчить меня.

Жилось у Степанова не совсем худо, с меньшим братом его Владиславом я рисовал, — деревья в особенности. Кроме того, постоянными посетителями были капитан лейб-гвардии Егерского полка Т и л и ч е е в, весьма умный и образованный человек, полковой доктор Садовский, Сергей Николаевич М у р а в ь е в (Тимей), усердно занимавшийся философией, и, наконец, Янненко. Фортепиана не было, но шла дружеская живая беседа.

Петр Степанов был в отлучке, и часть квартиры его, а именно комната, разрисованная чертовщиной и карикатурами на шахматном белом и черном поле самим Николаем Степановым, отдана им была на время одному из офицеров л.-г. Егерского полка. У него была бульдожка, которая вела себя нехорошо, так что каждое утро употребляли скребницу для очищения комнаты, а потом на той же скребнице курили, чтобы уничтожить зловоние*.

У Степанова бывали также по вечерам знакомые литераторы, как-то: Филимонов, Бенедиктов и Бернет.

Период 9

*От оставления службы в Певческой капелле
до первых представлений оперы «Руслан и Людмила»*

Зимою приехала матушка и остановилась у сестры, я потом и сам туда переехал. Е. К. выздоровела, и я написал для нее вальс на оркестр В-dur²⁶³. Потом, не знаю, по какому поводу, романс Пушкина «Я помню чудное мгновенье»²⁶⁴.

В феврале приехала двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде (та самая, с которой я сдружился, будучи еще в пансионе). У нее было две дочери и сын. Старшей — Евгенье Карловне — было лет 14, у нее была интересная физиономия, и она была уже тогда

* На полях рукой Н. В. Кукольника приписано: «К чему это нужно?» Тут же помета рукой Глинки: «А почему бы и нет?»

хорошая музыкантша; впоследствии она вышла замуж за П. П. Рыдина.

В конце февраля я с матушкой отправился в деревню и приехал сперва к сестре Людмиле Ивановне Шестаковой, в имение мужа ее²⁶⁵ Л о г а ч е в о, отстоящее две версты от Новоспасского. Там я погрелся у печки в угольной комнате и потом уже поехал домой.

Все время пребывания моего в Новоспасском*, т. е. от начала марта до конца апреля, я хворал: лишение сна, аппетита и нервное раздражение довели меня до столь сильного беспокойства, что я не решался ехать один, а упросил К. Ф. Гемпеля сопутствовать мне до Петербурга, куда мы прибыли благополучно в начале мая. Мы с Гемпелем поселились в одной маленькой комнате в Ревельском подворье, что в Новом переулке. Тут узнал я, что и х р а п е н и е имеет своих виртуозов: Гемпель, как уже прежде сказано, был хороший музыкант, но храпеть был великий мастер. Ложась, он начинал сопеть, потом начинал потихоньку храпеть, подсвистывая, потом прищелкивал, и все crescendo, наконец раздавались жалобные стоны, и концерт оканчивался обыкновенно диким и пронзительным криком, будившим самого виртуоза и меня. Он был тучен и полнокровен, и его душило по ночам.

Гемпель оставался недолго в Петербурге, по его отъезде я оставался еще несколько времени в Ревельском подворье, а потом поселился с сестрою Марьей Ивановной и зятем моим с детками их в Троицком переулке. У меня была спальня и большой светлый кабинет с особенным выходом.

В день моих именин, т. е. 21 мая, когда я шел из Ревельского подворья к Степанову, где провел большую часть того дня, мне пришла мелодия б о л е р о «О дева чудная моя»²⁶⁶.

Я попросил Кукольника написать мне стихи для этой новой мелодии, он согласился, а вместе с тем предложил мне несколько написанных им романсов. По этому, кажется, поводу пришла Платону мысль о двенадцати романсах, изданных потом П. И. Гурским под именем «П р о щ а н и я с П е т е р б у р г о м»²⁶⁷. У меня было несколько запасных мелодий, и работа шла весьма успешно.

Между тем в начале весны здоровье Е. К. начало расстраиваться, и доктор ее объявил**, что ей угрожает чахотка и что ей непременно нужно оставить Петербург и отправиться в более теплый и здоровый климат. Это меня глубоко огорчило, но я решился во что бы то ни стало помочь Е. К. Решился уговорить Е. К. и ее матушку ехать в южную Россию, где у них были родные, а вместе с тем обратился к матушке*** выслать мне 7000 руб. асс., обещаясь не беспокоить ее в течение года.

Я часто посещал Ширкова, рисовал с ним акварелью, но без большого успеха. По его просьбе начал писать «К а м а р и н с к у ю»

* На полях рукой Глинки приписано карандашом: «Развитие Камаринской».

** В копии рукой Глинки карандашом вставлено *моей сестре*.

*** В копии рукой Глинки карандашом вставлено *с просьбою*.

для фортепиано на три руки²⁶⁸, но вышла такая дрянь, что тут же на месте разорвал написанное мною.

Из Болеро я сделал целую пьесу для фортепиано. Герман переложил его очень удачно на свой оркестр²⁶⁹, равно как и вальс *Fantaisie h-moll*; обе эти пьесы были чрезвычайно любимы публикой. Наша братия по сему случаю оставалась несколько дней в Павловске, где мы очень весело провели время.

Матушка выслала деньги на имя Соболевского (я держал свое намерение в тайне). Получив сумму 7000 руб. асс., я, не теряя времени, приступил к делу: купил карету для Е. К. и ее матери, кои были не в блестящем положении. Заказал дорожную коляску для себя — я хотел уехать из Петербурга (поэтому и собрание романсов названо «Прощание с Петербургом»). Я был не то чтобы болен, не то чтобы здоров: на сердце была тяжелая осадка от огорчений, и мрачные, неопределенные мысли невольно теснились в уме.

В первой половине августа все было готово к отправлению дам в южную Россию. Кукольники и вся братия, искренно меня любившая, не хотела расстаться со мной и, может быть, надолго (как то предполагалось), не изъявив мне дружеских чувств своих. 10 августа Кукольники устроили для меня прощальный вечер²⁷⁰, на который кроме искренних приятелей и домашних пригласили и некоторых артистов и литераторов. Я шел с необыкновенным одушевлением прощальную песню, хор пела братия наша, и, кроме фортепиано, был квартет с контрабасом. Хотя этот вечер был художнически-приятельской, но тут не обошлось без смеху. Якова обокрали, он с горя хлебнул лишний стакан мадеры и, не удовольствовавшись быть слушателем, решился принять участие в исполнении прощального хора. Он с самонадеянностью взял контрабас Мемеля и принялся играть, но руки не повиновались, и он с презабавною миною смотрел вокруг себя с изумлением..

11 августа я выехал из Петербурга; в Гатчине мы съехались с Е. К. и ее матерью. Я проводил дам до Катежны, где мы расстались; они поехали на Витебск, а я на Смоленск.

Приехав к матушке, я начал обдумывать свои намерения; паспорта и денег у меня не было. Притом же за несколько дней до отъезда из Петербурга Е. К. в припадке ревности жестоко огорчила меня незаслуженными продолжительными упреками. От совокупного действия размышлений и воспоминания я начал мало-помалу успокаиваться.

Я принялся за работу и в три недели написал интродукцию «Руслана»²⁷¹; начав ее в Новоспасском, кончил в имени зятя моего Николая Дмитриевича Гедеонова (с которым жил в Берлине в 1834 году).

На обратном пути в Петербург, ночью с 14 на 15 сентября, меня прохватило морозом. Приехав на станцию (Городец, если не ошибаюсь), я потребовал чаю и, согревшись, отправился в путь. Всю ночь я был в лихорадочном состоянии, воображение зашевелилось, и я в ту ночь изобрел и сообразил финал оперы, послуживший впоследствии основанием увертюры оперы «Руслан и Людмила».

Приехав в Петербург, я поселился у Кукольников. Нестор жил

на особенной квартире. Я посещал иногда семейство Александровых, состоявшее из отца, матери, двух сыновей и трех дочерей, из них меньшую я учил петь. Платон ухаживал за старшей и на ней женился впоследствии. Чаще же бывал дома: вследствие простуды образовалась тупая, но мучительная боль в правом боку, появлявшаяся всякий день по захождении солнца. Когда братия расходилась, при мне чаще других оставался Янненко; чтобы развязать ему язык, я попросил его рассказать его жизнь и женитьбу. Тогда он подробно сообщил мне, как он был учителем у отца Степановых, бывшего тогда губернатором Омской* губернии, как ехал в Сибирь, как, сжался над одиночеством гувернантки-англичанки, бывшей тогда у Степановых, он женился на ней. Англичанка (Кристина Ивановна**) отблагодарила его и своими трудами кормила его в последние годы его жизни.

Несмотря на недуг, я снова принялся за работу, начав сцену Людмилы четвертого акта. Вскоре потом по просьбе Кукольника написал увертюру, антракты, песню «Ходит ветер у ворот» и романс «Сон Рахили» для вновь написанной Нестором драмы «К н я з ь Х о л м с к и й». Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представления²⁷².

В ноябре я захворал, и опасно, у меня внезапно развилась горячка. Это произошло, вероятно, от простуды; накануне я возвращался пешком домой без калош. В тот вечер, однако ж, я ничего особенного не чувствовал, просидел часа с два с Платоном, д и с п у т о в а л с ним, как всегда, и мы даже выпили по бутылке ц е р к о в н о г о, так называли мы самый простой м е д о к. На другой день все проснулись, начали требовать чаю, а я все лежал, — тогда Платон подошел ко мне с словами: «Миша, пора вставать», я хотел приподняться, но не мог. Он тогда посмотрел на меня внимательно, взял за пульс и послал за моим доктором Шерингом. Меня перетащили в комнату Платона, который уступил мне свою кровать и во все время болезни и выздоровления ухаживал за мною с искреннею заботливостью. Шеринг гомеопатическими порошками *Nux vomica*, *Belladonna* и *Dulcamara*, по одному каждого сорта, по разу в день, прервал горячку в три дня. После чего, однако же, я был очень слаб несколько времени, и вдруг по всему телу обнаружилась сыпь. На левом боку, противу сердца, сыпь эта слилась в одну массу. Нет сомнения, что продолжительные огорчения были одною из главных причин этой сыпи, которая при постоянном лечении под надзором Шеринга продолжалась несколько месяцев, и, когда прошла, долго еще оставались на коже желто-печенковые пятна²⁷³.

Оправясь, я снова начал писать «Руслана»²⁷⁴, а в то же время по просьбе Мятлева написал «Тарантеллу»²⁷⁵.

Несмотря на плохое состояние финансов, я жил приятно, не обременяя других собою. Яков отлично умел готовить для меня щи из кислой капусты и кашу. П. П. Рындин, с которым я очень сблизился

* В копия Н. В. Кукольников исправлено *Енисейской*.

** В копии Н. В. Кукольников исправлено *Васильевна Норман*.

в это время, не брезгал этой скудной трапезой, охотно хаживал ко мне обедать, причем подавали и бутылку церковного. Я часто бывал у Павла Васильевича Энгельгардта; жена его, женщина приятной наружности и еще молодая, часто приглашала меня. После болезни присылали за мною каретку, обитую внутри мехом, а сверху того шубки, чтобы меня еще более укутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написал для нее романс «К а к с л а д к о с т о б о ю м н е б ы т ь», слова П. П. Рындина²⁷⁶, часто игрывал ей отрывки из новой моей оперы, в особенности сцену Людмилы в замке Черномора²⁷⁷. У Павла Васильевича жила двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде с детками. Итак, мне там было очень хорошо; за обедом хозяйка сажала меня возле себя с дамами, угощали меня сами барыни, а шуткам, рассказням и конца не было. Нередко бывал я также у вдовушек, т. е. в добром и милом семействе М о л л е р и у с; равно бывал и у Александровых.

Около того времени приехал старший брат Кукольников Павел Васильевич из Вильно. Он был профессором истории Виленского университета. Он поселился с нами и одушевил приездом семью нашу. Для него написал Нестор хор, я написал и разучил музыку, и мы встретили его торжественно. По сему случаю Нестор написал стихи, которые начинались так:

Павлу Васильичу хор,
Павлу Васильичу честь,
Вот вам почетный прибор,
Просим покорнейше сесть!

Музыки не упомяну. Кажется, было solo для Лоди²⁷⁸.

Павел Васильевич был очень добрый человек, любил общество, в особенности общество дам; он был любезен, пел и умел забавлять общество разными штуками, напр[имер] отлично представлял жидов в синагоге. Но господствующая страсть его была писать трагедии из первых веков христианства; при чтении своих произведений он приходил в такой восторг, что испускал внезапные крики и нередко пугал своих слушателей.

В конце зимы, т. е. в начале 1841 года, я по просьбе инспектора Екатерининского института П. Г. Ободовского на слова его сочинения написал выпускной хор E-d u r²⁷⁹. Иногда бывал на репетициях в институте, и хор исполнили очень хорошо. За этот труд я получил от е. и. в. государыни императрицы перстень с изумрудом, осыпанным бриллиантами, который я тогда же отослал матушке. По болезни государыни танцы и пение вместо института исполнили во дворце, куда и меня пригласили, но я не мог быть, потому что меня о том уведомили поздно и я не имел времени купить башмаки, шелковые чулки и белые перчатки.

В самом начале весны, великим постом, я переехал к Степановым²⁸⁰, которые жаловались мне на предпочтение, оказанное мною Кукольниковам. Николай жил на особенной квартире; Петр Степанов

уступил мне комнату, расписанную карикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, ночью каретка своими фонарями освещала постепенно мгновенным светом мою комнату, странные фигуры мелькали одна за другой, а казалось, что стоявшая на печке мертвая голова насмешливо улыбалась. Мне, по крайней [мере], часто казалось, что она смеялась над моими страданиями, тогда я спал дурно и часто предавался печальным размышлениям о судьбе своей. Несмотря на это болезненное расположение духа, я продолжал писать оперу²⁸¹. Доктор Садовский пришел однажды, закурил сигарку и, смотря на мою работу, сказал мне с самодовольным видом: «О т о д р а т ь б ы т е б я , б р а т е ц , л у ч ш е б ы п и с а л ».

Паста, приехавшая к нам в Петербург в октябре 1840 года, была в моей опере «Ж и з н ь з а ц а р я». Когда Петрова начала петь «А х , н е м н е , б е д н о м у», сопровождаемое, как известно, 4 виолончелями и контрабасом, Паста, обратясь ко мне, сказала: «К а к х о р о ш о п л а ч у т э т и в и о л о н ч е л и»²⁸².

Раннею весною приехал в Петербург зять мой Яков Михайлович Соболевский с сыном своим (полуглухонемым) и сестрою Елисаветою Ивановною, взявшею на себя воспитание племянника. Они ехали в Париж, чтобы испытать все возможное для облегчения полуглухонемого. Матушка, от которой не укрылось болезненное расположение моего духа, желала, чтобы я ехал с ними, и прислала потребную для того сумму. Я, однако же, с ними не отправился, и вот по какой причине.

Незадолго до приезда зятя с сыном и сестрой моей по городу разнесся слух, что Марья Петровна вышла замуж. Этот, по-видимому нелепый, слух оправдался: оказалось, что об этом противузаконном браке было донесено С. П.-бургской консистории; с другой стороны, мне попали в руки письменные доказательства противузаконной связи жены моей с В[асильчиковым]. Обдумав хорошенько, я подал прошение о расторжении моего брака; и сейчас же отправился к матушке, с которой пробыл дня четыре. В июне 1841 года, возвратясь в Петербург, занялся бракоразводным делом. Марья Петровна долго отделялась, прикидываясь больною, но вынуждена, наконец, была явиться в консисторию. На очной ставке я скрепил сердце и стоял спокойно. Марья Петровна плакала. После обычных троекратных увещаний я объявил, что не могу отстать от своего намерения, что я вынужден к тому семейными обстоятельствами, что мною не руководит злоба, в доказательство чего прошу извинения у жены за все невольно наносимые ей мною огорчения²⁸³.

Менее трудны были для меня очные ставки с адвокатом Марьи Петровны, каким-то Федоровым. Я молча выслушивал его обвинения, а в свою очередь повторял только, что я остаюсь при первом своем показании. Несмотря на все неприятные хлопоты по бракоразводному делу, я в конце лета снова принялся за работу.

Яков Михайлович с сыном и сестрою Елисаветою Ивановною в начале осени возвратились из Парижа. Все опыты над полуглухонемым племянником оказались безуспешны. Зять оставался недолго в

Петербурге и уехал в деревню. Я с сестрою и племянником переехал в дом Ш у н п е (бывший В а р в а р и н а), противу Опекунского совета в Мещанской улице²⁸⁴. Сестра с племянником взяла удобную для помещения своего квартиру; у нее же готовили для нас всех кушанье. Я поместился особо, в том же этаже, в двух маленьких, но очень светлых комнатах. Еще в конце лета я почувствовал необыкновенное расположение к сочинению музыки, и это расположение не изменялось. Сверх того, я начал учиться рисованию, и именно пейзажей, у ученика академии Солнцева, и начал рисовать порядочно, так что скопировал несколько ландшафтов карандашом для моих знакомых, а на одном из моих рисунков карандашом К. Брюллов подписал: «С к о п и р о в а н о о ч е н ь н е д у р н о»²⁸⁵.

Обедал у сестры, а иногда оставался с нею после обеда; она тогда прилежно занималась игрою на фортепиано, и я аккомпанировал ей на скрипке, между прочим, сонату Бетховена F-dur.

У нее жила в услужении девушка (крепостная), которая училась шить платья у модистки, и матушка назначила ее в горничные младшей сестры моей Ольги. Ей было 18 лет, она была очень стройная и довольно милостивая девушка. Она одевалась хотя очень просто, но опрятно и мило и нередко потешала меня презабавными неожиданными выходками. Так, напр[имер], оперу мою «Руслан и Людмила» она называла с в о е й. Яков Ульянов также, говоря о «Ж и з н и з а ц а р я», выражался обыкновенно н а ш а опера. Одним словом, по всей справедливости ее назвать можно было г р и з е т к о й, в короткое время я к ней очень привык:

Привычка в чувство обратилась,
А чувство в счастье многих дней etc.

Действительно, я ей обязан многими и многими приятными минутами. Мне дома было так хорошо, что я очень редко выезжал, а сидя дома, так усердно работал, что в короткое время большая часть оперы была готова. Осмотревшись, однако же, я нашел, что общей связи между частями новой моей оперы [не было]*. Чтобы помочь этому, я пригласил к себе на обед Нестора и Мишу Гедеонова, с которым, равно как с братом его Степаном Александровичем, я не только помирился, но и очень сблизился. Сверх того, был у меня на обеде и Владиславлев, бывший в то время дежурным штаб-офицером NB Корпуса жандармов. Он любил искусства, живопись, и музыку в особенности; я с ним был на дружеской ноге и занял у него по случаю обеда серебро и столовое белье²⁸⁶.

По причине отъезда Ширкова в Украину Кукольник и Гедеонов взялись помогать в трудном деле свести целое из разнородных, отдельных частей моей оперы. Кукольник написал стихи для финала оперы и сцену Ратмира 3-го действия «И ж а р, и з н о й»**. Гедеонов напи-

* Вставлено в копии рукой Л. И. Шестаковой.

** На полях рукой Н. В. Кукольника написано: «NB английские. Я написал их с тем, чтобы по возвращении Ширкова они были заменены другими стихами со смыслом, но этого не последовало, и теперь гуляют английские».

сал маленький дуэт, следующий за балладой Финна, между Финном и Русланом: «Благодарю тебя, мой дивный покровитель»; речитатив Финна в 3-м акте: «Витязи! Коварная Наина» etc. — и молитву в 4 голоса, которой оканчивается третье действие. И я сам написал сцену Фарлафа с Наиной и Рондо Фарлафа, а также начало финала 3-го действия. Таким образом, стихи для либретто, кроме взятых из поэмы Пушкина, писали Маркович, В. Ф. Ширков, Кукольник, Миша Гедеонов и я.

Великим постом в самом начале весны 1842 года приехала матушка с младшей сестрою Ольгою, с тем чтобы провести год в Петербурге для окончания воспитания сестры Ольги, которой было лет 16 или 17. Вскоре по приезде мы переехали в дом Д а в ы д о в а, на Гороховой улице. Матушка с сестрами и племянниками заняла бельэтаж, а мне нашлись две комнаты на дворе с кухней.

В короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногочисленного оставшегося без сценических соображений и содействия декоратора и балетмейстера. Итак (в апреле 1842, если не ошибаюсь), я явился к директору Гедеонову с партитурой, и он без всяких разговоров принял мою оперу, приказал сейчас же приступить к постановке ее на сцену и, по моему желанию, вместо единовременного вознаграждения 4000 руб. асс., согласился, чтобы я получал р а з о в ы е, т. е. десятый процент с двух третей полного сбора за каждое представление²⁸⁷.

. Скоро после того отдали мою партитуру в театральную нотную контору, и, когда партии главных действующих лиц и хоров были изготовлены, я принялся за разучку моей музыки.

Впоследствии* надлежало поладить с балетмейстером Титюсом, человеком весьма ограниченных способностей. Для этого я затеял дать ему обед (он любил покушать) и, чтобы более угодить ему, заказал, у французского ресторанта L e G r a n d, любимые его кушанья. На обед, кроме балетмейстера Т и т ю с а, пригласил двух Гедеоновых, Костю Булгакова, как приятного и веселого собеседника, и Павла Павловича Каменского²⁸⁸, служившего переводчиком в канцелярии директора театров Гедеонова. По нашему мнению, он отлично танцевал л е з г и н к у. Так как музыка для танцев IV действия была составлена мною из восточных мелодий, то я желал, чтобы Титюс по возможности сделал и самые танцы в восточном роде и назначил для с о л о в этом танце, названном мною л е з г и н к о й, танцовщицу Андреянову 2-ю, которой в то время особенно покровительствовал директор театров. Танцы же 3-го действия вполне представил Титюсу. Обед удался, и вино произвело свое действие: после обеда Каменский проплясал лезгинку, которая не очень понравилась французу Титюсу, но он согласился поставить этот танец по моему желанию.

Вина было вдоволь**, так что когда после театра возвратились

* На полях рукой Глинки приписано карандашом: «Впоследствии (Это было уже летом)».

** На полях рукой Глинки приписано карандашом: «По сему поводу».

Гедеоновы и Каменский ко мне, то я их у п о т ч е в а л отличнейшим х е р е с о м.

По этому поводу в эпитафии, сочиненной ими на меня впоследствии, помещены следующие стихи:

Любил он музыку и юбки;
Чужие люди для него
Вакштаба набивали трубки,
И жил в Давыдова он доме,
Не обижая никого,
Бутылок хереса кроме.

Оставлю на время театр и оперу, чтобы упомянуть о приезде Листа в Петербург.

Появление его у нас в феврале 1842 года переполошило всех дилетантов и даже модных барынь. Меня, отказавшегося от света со времени разрыва моего с женою, т. е. с ноября 1839 года, снова вытащили на люди; и забытому почти всеми русскому композитору пришлось снова являться в салонах нашей столицы по рекомендации знаменитого иностранного артиста. Несмотря на всеобщее и отчасти собственное мое увлечение, я могу теперь еще дать полный отчет в впечатлении, произведенном на меня игрою Листа. Мазурки Chopin, его Nocturnes и этюды, вообще всю блестящую и модную музыку он играл очень мило, но с прельстительными оттенками (*à la française*)*. Менее удовлетворительно, однако же (по моему мнению), играл он Баха (которого «*Clavecin bien tempéré*» знал почти наизусть), симфонию Бетховена, переписанную им самим (*transcrite*) для фортепиано; в сонатах Бетховена и вообще в классической музыке исполнение его не имело надлежащего достоинства и в ударе по клавишам было нечто отчасти котлетное. Исполнение Септуора Гуммеля отзывалось каким-то пренебрежением, и, по моему, Гуммель играл его несравненно лучше и п р о щ е. Бетховена концерт Es-dur исполнил он гораздо удовлетворительнее. Вообще способ игры Листа в оконченности не сравню с Фильдом, Карлом Мейером и даже Тальбергом, в особенности в скалах²⁸⁹.

Кроме графов Вельегорских и Одоевского я бывал с Листом у графини Растопчиной и у Палибиной. У Одоевского Лист сыграл *à l i v r e o u v e r t*** несколько номеров «Руслана» с собственноручной, никому еще не известной моей партитуры, сохранив все ноты, ко всеобщему нашему удивлению²⁹⁰.

Обращение и приемы Листа не могли не поразить меня странным образом, ибо я тогда не был еще в Париже и ю н у ю Ф р а н ц и ю знал только понаслышке. Кроме очень длинных волос, в обращении он иногда прибегал к сладкоразжеженному тону (*mignardise*), по вре-

* На полях рукой Глинки приписано: «C'est [à dire] avec exagérations de tout genre» («То есть со всевозможными преувеличениями») (*франц.*).

** С листа (*франц.*).

менам в его обращении проявлялась надменная самоуверенность (arrogance). Впрочем, несмотря на некоторый тон покровительства, в обществах, особенно между артистами и молодыми людьми, он был любезен, охотно принимал искреннее участие в общем веселии и не прочь был покутить с нами.

Когда мы встречались в обществах, что случалось нередко, Лист всегда просил меня спеть ему один или два моих романса. Более всех других нравился ему «В к р о в и г о р и т». Он же, в свою очередь, играл для меня что-нибудь Chopin или модного Бетховена.

Великим постом того же 1842 года я познакомился с семействами Табаровских и Серовых. Александр Николаевич Серов был в то время очень молодой человек, образованный (он учился в Училище правоведения) и очень хороший музыкант; он играл на фортепиано, несколько на виолончели, в особенности же бойко играл с листа²⁹¹.

Сходки наши в доме Мерца прекратились — б р а т я разъехались. Нестор Кукольник прежде других переехал на особливую квартиру. Несмотря на это, он по-прежнему любил меня, по требованию моему писал стихи для моей новой оперы и поправлял стихи моего собственного изделия. Когда же я объявлял ему, что написал сцену или № из оперы, он чрезвычайно радовался и становился б е с п о к о е н от желания скорее слышать новое мое произведение. Вообще он был один из самых приятных собеседников, каких только мне случилось встречать в моей жизни. С ним скука была невозможна; он умно и ловко говорил обо всем. Однажды в течение вечера он необыкновенно ясно и дельно изложил словесно историю Литвы по моему желанию; когда я изъявил мое удивление, он отвечал, улыбаясь: «Прикажет государь — завтра буду акушером». Если я излагал мнение, противное его мнению, то он говаривал так: «Миша! На это моего согласия нет; выпьем». — Это значило: выпьем по стакану церковного.

В. И. Богаев женился. Платон Кукольник переехал в дом Александровых. Он занял весь нижний этаж (rez-de-chaussée), который очень мило отделал, а семейство Александровых поместилось в мезонине того же дома. Большая часть братии сходилась на его вечерах, которые он умел оживлять всевозможными способами. Пели, играли на фортепиано, танцевали; Нестор по временам читал свои новые произведения, — шла дружеская беседа, а в заключение вкусный и сытный ужин еще более располагал всех к веселию.

Реже, но так же приятны были вечера у Владиславлева, где иногда встречались наши и иностранные художники. И у него на вечерах пели, танцевали и веселились немало. По вечерам поздно я часто навещал Мишу Гедеонова, у которого тогда еще начались сходки после театра. Он и брат его Степан Александрович расположили отца своего в мою пользу до такой степени, что, отъезжая в Москву, он позволил мне распоряжаться по собственному моему усмотрению постановкою моей новой оперы.

Вследствие этого распоряжения я с Г а й д у к о в ы м (экзекуто-

ром* при дирекции С.-П.-бургских театров) осмотрел огромные гардеробы, принадлежащие дирекции театров, вместе с ним мы положили, какие костюмы надлежало сделать вновь и какие можно было обновить и переделать. Костюмы для главных действующих лиц сделаны были по указанию Карла Брюллова. Брюллов сообщил также свои соображения о декорациях Роллеру, который еще до того написал масляными красками эскизы декораций для «Руслана и Людмилы», которые теперь находятся у Нестора Кукольника**²⁹².

Вскоре по обеде, который я дал Титюсу (это было летом), он позвал меня к себе обежать на дачу на Крестовском острове и славно меня угостил. После этого он начал заниматься составлением танцев, и я ходил охотно в школу, чтобы соображаться с его требованиями и переделывать, что оказывалось нужным переменить. Таким образом, в танце 3-го действия я должен был ввести несколько пошлых фраз, чтобы ловко было танцевать enlevé***.

Прежде нежели Титюс начинал разучивать и сочинять танцы для «Руслана», он начинал похвалами самому себе — говорил: «A présent tous les maîtres des danses sont des maîtres asis»****, т. е. учат сидя; он же и еще какой-то другой балетмейстер в Париже одни только могут учить стоя, т. е. могут сами танцевать. При этом с скрипкой в одной руке и смычком в другой он начинал делать разные па и, приходя постепенно в восторг, выделял наконец а н т р а ш а и другие трудные штуки. Все это происходило в присутствии воспитанниц, танцовщиков и музыкантов и крайне было забавно.

Я вел тогда жизнь весьма приятную: утром переделывал танцы и немногие недоконченные места из оперы, в двенадцатом часу утра отправлялся на репетицию в залы театра или школу, откуда нередко меня привозили домой в театральной карете с воспитанницами и актрисами. Обедал я у матушки и проводил в семействе послеобеденное время; вечером обыкновенно ездил в театр, где оставался почти все время за кулисами. Когда вечером я возвращался домой, сестра Ольга встречала меня со смехом и на вопрос мой: «Чему ты смеешься, Oline?» — отвечала: «Вы пришли, значит смех будет». Действительно, не проходило четверти часа, чтобы я не рассмешил сестры и матушки.

10 августа была первая квартетная проба моей новой оперы у матушки на квартире²⁹³. Участвовали: 1-е скрипки Мес и Альбрехт, заменивший старика Кавоса, который умер, 2-я скрипка Вейцман, альт*****, виолончель — Шуберт и контрабас — Ме-

* На полях рукой неустановленного лица приписано: «Обер-костюмер».

** На полях рукой Н. В. Кукольника приписано: «Эти эскизы были так хороши, в особенности вид заколдованного замка Черномора, что Роллера за него удостоили звания академика».

*** Балетное па.

**** «Нынче все учителя танцев — сидячие учителя» (франц.).

***** После слова *альт* в рукописи пропуск для последующего внесения фамилии альтиста.

м е л ь. Присутствовали Гунке и Р а л ь, этому последнему поручено было мною оркестровать написанное мною для военной музыки. Во время этой репетиции я на фортепиано играл партии духовых инструментов, голосов не было. Репетиция была очень удачна, окончив ее, матушка угостила моих сотрудников на славу. Мы дружно беседовали и смеялись; Вейцман потешал нас различными фарсами.

Осенью начались пробы — сперва в залах, а потом на сцене. Тогда оказалось, что многие №№ оперы нужно было сократить, а именно: из интродукции надлежало исключить вторую песнь Баяна «Есть пустынный край», равным образом все окончательное развитие (développement et péroraison) главной темы:



впоследствии нужно было исключить.

В финале первого акта сокращен хор Лелю Н-dur в $5/4$.

Во втором акте: Баллада Финна оказалась длинной, но я не сократил ее, и публика впоследствии привыкла ее слушать, как она первоначально мною написана.

Хор Головы, т. е. финал 2-го акта, на который я очень рассчитывал, решительно не удался, и пели его так неверно, что мне самому было не в силу слушать его.

В III акте вместо написанного мною чрезвычайно трудного антракта надлежало начать прямо с хора «Л о ж и т с я в п о л е м р а к н о ч н о й», которого первые куплеты поются за кулисами. В финале терцет «З а ч е м л ю б и т ь , з а ч е м с т р а д а т ь» надлежало исключить, потому что он замедлял ход драмы.

В IV акте сцена Людмилы, за которую во время репетиций в залах благодарил меня Степанова, на сцене совсем не вышла, и та же Степанова упрекала меня, что я нехорошо расчел сценический эффект.

В финале этого и последнего акта надлежало также многое сократить²⁹⁴.

Несмотря на все эти обстоятельства, режиссер М. С. Лебедев ручался за то, что опера пойдет хорошо.

Увертюру прямо на оркестр я писал нередко во время репетиций, в комнате режиссера.

Гедеонов, возвратясь из Москвы, как-то повздорил с Роллером. Это обстоятельство имело важное влияние на судьбу моей оперы. Декорации первых трех актов были хороши, хотя не совсем в сказочном русском характере. Я рассчитывал более всего на эффект IV действия в садах Черномора. Из волшебной-прекрасной затейливой декорации, которая могла бы занять публику и заставить ее забыть недостаток драматического действия оперы, Роллер (вероятно, от досады) сделал самую пошлую из всех декораций оперы. Замок похож был на казармы, фантастические цветы на боках авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми простыми красками

и испещрены сусальным золотом*. Вместо стола с различными яствами для Людмилы выходило из земли нечто вроде наоя с каким-то позолоченным шевелившимся деревцом. Одним словом, это была не декорация, а западня (attrappe) для актеров и публики; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся и е у к л ю ж и й Черномор с свитой своей и полковой музыкой, тогда не было места ни для музыкантов, ни для танцоров.

Последняя декорация V акта была не лучше²⁹⁵.

Новое обстоятельство умножило весьма значительно мои хлопоты и неприятности.

Около 1840 или 1841 года Булгарин бывал часто у Нестора Кукольника, и я был с ним на дружеской ноге и даже на ты. Из-за пустяков мы рассорились. Не вижу надобности скрывать причину ссоры моей с Булгариным. Однажды в Павловске Булгарин что-то долго шептал на ухо Герману**, между [тем]*** публика ожидала одной из любимых пьес; я вполголоса сказал шутливо Герману: «Не слушайте его, он ничего в музыке не понимает». За эту шутку Булгарин взбесился; мы были на киоске, где оркестр. Булгарин завязал спор, и так как дело шло об музыке, то естественно, что мне легко было объяснить и доказать, что он нашего искусства не понимает. Этот спор продолжался долго и в присутствии многочисленной толпы. Сеньковский, с которым в то время я был очень дружен, желал отклонить от меня новые неприятности, старался примирить меня с Булгариным. Он позвал к S o u l o n на обед бельгийскую певицу М е р т и с ее матерью (Мерти впоследствии вышла за кларнетиста Б л а з а, который был долгое время у нас и был любим), меня и Булгарина. Мы подали друг другу руку в знак примирения, но я, однако, не хотел просить о его покровительстве. Когда же зашла речь о моей опере, Булгарин с притворным видом сожаления сказал: «Досадно, что такое превосходное произведение должно быть вверено а р т и с т а м, которые не в состоянии исполнить его надлежащим образом». На это я отвечал ему, что я написал мою оперу, зная уже тех артистов, которые должны будут исполнять ее, что я сообразовался с их средствами и вполне ими доволен.

Несколько дней после того, когда я пришел на репетицию, Леонов взял меня в сторону и таинственно сообщил, что актеры сердятся на меня. В самом деле, когда взошел на сцену, то ясно увидел, что меня принимают сухо и на всех лицах недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня в гнев и разразилась упреками, из которых я узнал, что вышла в «Северной пчеле» статья об артистах, которая их обидела и которую они мне приписывали. Я объяснил Петровой, что я никакой статьи не читал и не знаю, а что Булгарин в статье,

* Над строкой рукой Глинки вписано: «Сюрпризы были гадкие».

** В копии рукой Глинки карандашом приписано: «Герман управлял тогда оркестром, игравшим в Павловском вокзале».

*** Слово *тем* вставлено рукой В. В. Стасова (?) карандашом.

на которую она ссылается, напечатал собственные слова свои, сказанные мне во время обеда у Соулон²⁹⁶.

Видя, однако ж, что мои убеждения ни к чему не служат, я отвернулся от неугомонной бабы и предоставил режиссеру вести репетицию.

Музыканты также (кроме почтенных из них, как Меса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и других) разошлись на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что в особенности заметно было в увертюре и в финале V действия.

Видя это, я попросил старших музыкантов, а именно капельмейстера Альбрехта, Меса и Мейнгарта, уговорить молодых музыкантов быть исправными, «в противном случае,— прибавил я,— доносчиком я не буду, а найдутся другие, которые охотно доведут до сведения директора, что такие-то из музыкантов пренебрегают своим делом, а директор, как вы знаете, рад случаю прогнать музыканта». — «Мне же,— заключил я,— прискорбно бы было, чтобы кто-нибудь пострадал из-за моей оперы».

На одной из последних репетиций граф Михаил Юрьевич Вельгорский, прослушав первую половину V акта, обратясь ко мне, сказал: «*Mon cher, c'est mauvais*». — «*Retirez vos paroles, m-r le comte*,— отвечал я ему: — *il est possible, que cela ne fasse pas de l'effet, mais pour mauvaise, certes, que ma musique ne l'est pas*»*.

Всю эту часть V акта впоследствии выпустили. Сокращения (соуригес) я предоставил графу Вельгорскому, который нещадно выкраивал, и часто лучшие места, приговаривая с самодовольным видом: «Не правда ли, что я мастер делать *соуригес*?»

Назначено было 27 ноября 1842 года для 1-го представления «Руслана и Людмилы»²⁹⁷. Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнять Петрова-воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Переменить было невозможно, в особенности потому, что директор не любил старшую Петрову.

Несмотря на мучительное чувство, овладевавшее мною всякий раз во время первого представления моих драматических произведений, я еще не терял надежды на успех.

Первый акт прошел довольно благополучно. Второй акт прошел также недурно, за исключением хора в голове. В третьем акте, в сцене «И зной, и жар» Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою, и публика заметно охладилась. Четвертый акт не произвел эффекта, которого ожидали. В конце же 5-го действия императорская фамилия уехала из театра. Когда опустили занавес, начали меня вызывать, но аплодировали очень недружно, между тем усердно шикали, и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился к бывшему тогда в директорской ложе генералу Дубельту с вопросом: «Кажется, что шикают; идти ли мне на вызов?» — «Иди,— отвечал генерал.— Х р и с-

* «Дорогой мой, это плохо». — «Возьмите назад ваши слова, граф. Возможно, что это не производит эффекта, но уж, во всяком случае, моя музыка не плоха» (франц.).

т о с т р а д а л б о л е е т е б я». Возвратясь из театра, мы с матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моих приятелей, приехавших к нам ужинать. Матушка за мой труд подарила мне столового серебра на 12 кувертов*.

Второе представление прошло не лучше первого. На третье представление явилась старшая Петрова, она исполнила сцену III действия с таким увлечением, что привела в восторг публику²⁹⁸. Раздались звонкие и продолжительные рукоплескания, торжественно вызвали сперва меня, потом Петрову. Эти вызовы продолжались в продолжение 17 представлений. По сему поводу нередко сердилась на меня Петрова. Во время ее сцены я ее не слушал, а в одной из отдаленных кулис шушукал с одной из милостивых воспитанниц и часто опаздывал на вызов.

В течение зимы или лучше от 27 ноября до великого поста опера выдержала 32 представления. Всех впоследствии опера выдержала 53 представления в С.-Петербурге²⁹⁹.

Булгарин не ограничился статьей, написанной им до первого представления**, он со всевозможной злобою критиковал музыку и слова, и, что было презабавно, строго разбирал преимущественно слова, мною написанные. Сеньковский постоянно защищал меня, и, как известно, очень умно и ловко. Князь Одоевский написал также о моей опере премилую статью***. Граф же Вельегорский, когда заходила речь об моей опере, всегда говорил: «C'est un opéra manqué»****. Другой критик, обратясь к директору Гедеонову, сказал однажды: «Как жаль, что вы издержали так много на постановку оперы Глинки, ведь она не пойдет». — «Совсем нет, — отвечал Гедеонов, — я не жалею, и уверен, что она прекрасно пойдет, а вы напишите лучше». Гедеонов в глаза трунил надо мною, говорил, что я порчу музыкантов, ибо по временам некоторые из них ничего не играют, что не следует писать так учено и т. п.; за глаза же постоянно и ревностно защищал меня.

Период 10

*От первых представлений оперы «Руслан и Людмила»
до поездки в Париж*

Великим постом я получил до 3 тысяч руб. с[еребром] разовых из театральной конторы и отдал их матушке на сохранение.

Лист приехал во второй раз в Петербург³⁰¹ и нередко кутил с нами в обществе Гедеоновых (Мише я посвятил мою оперу «Руслан и Люд-

* На полях рукой Глинки помечено: «NB Матушка серебро».

** На полях рукой В. В. Стасова приписано: «В Библиот[ек]е для чт[ения]. 1842, дек. Смесь».

*** На полях рукой В. В. Стасова приписано: «В Спб. ведомостях (1842, № 260). Подписана: „Любитель музыки Глинки, правды и умеренности“».

**** «Это неудавшаяся опера» (франц.).

мила») ³⁰² и графа Аркадия Павловича Кутузова, чрезвычайно приятного и любезного собеседника.

Лист слышал мою оперу, он верно чувствовал все замечательные места. Несмотря на многие недостатки «Руслана», он успокоил меня насчет успеха. Не только в Петербурге, но и в Париже, по словам его, моя опера, выдержав только в течение одной зимы (32 представлений), могла бы считаться удачною. «Вильгельм Телль» Россини в первую зиму выдержал только 16 представлений.

Я ему высказывал откровенно мои взгляды на искусство и на композиторов. По моему мнению, Карл-Мария Вебер был для меня очень неудовлетворителен (даже во «Фрейшютце») от излишнего употребления доминант-септим аккорда в первой его позиции. На это Лист сказал мне: «Vous êtes avec Weber comme deux rivaux, qui courtisez la même femme»*.

День отъезда Листа мне очень памятен, мы ужинали (кажется) у графа Кутузова. Зашла речь об моей опере, и граф Михаил Юрьевич Вельгоровский сказал опять: «Mon cher, c'est un orèga m a n q u è»**. Наскучив слышать одно и то же, я попросил минуту внимания у присутствовавших на ужине. «Господа! — сказал, обратясь к ним. — Я считаю графа одним из наилучших музыкантов, каких я только встречал». Все единодушно согласились на это предложение. — «Теперь, положи руку на сердце, скажите мне, граф, — подписали ль бы имя ваше под этой оперой, если бы ее написали?» — «Конечно, охотно», — отвечал он. — «Так позвольте ж и мне быть довольным трудом моим».

Несмотря на эти выходки против меня, ³⁰³ вынужденные несколько *jalousie de métier**** (граф писал в то время оперу «Цыгане»), он любил меня. Вообще и теперь еще он крайне любезен в обществе и увлекается, как юноша, новыми впечатлениями. Когда приехал к нам Рубини (в марте 1843 года)³⁰⁴, граф, опустив подбородок в огромный свой галстук, сказал: «Mon cher, c'est Jupiter olympien»****.

Иван Иванович Рубини, как мы называли его, несмотря на обработанность голоса и уверенность (*aplomb*), был не Юпитером, а развалиной. Голос его еще в Италии в 1830 году не удовлетворял меня, в первые разы в особенности, он мне отдавался в ушах более стеклянным, нежели металлическим. Образ его пения еще в Италии я находил изысканным, в 1843 году преувеличение (*exagération*) дошло до нелепой степени. Он пел или чрезвычайно усиленно, или же так, что решительно ничего не было слышно, он, можно сказать, отворял только рот, а публика умственно пела его *rrr*, что естественно льстило самолюбию слушателей, и ему ревностно аплодировали. Он дал несколько концертов в зале Собранин³⁰⁵. Вечера у Миши Гедеонова становились более и более оживленны и занимательны. Кроме

* «Вы с Вебером как два соперника, ухаживающие за одной женщиной» (франц.).

** «Дорогой мой, это неудавшаяся опера» (франц.).

*** Профессиональной завистью (франц.).

**** «Дорогой мой, это — Юпитер олимпийский» (франц.).

Гедеоновых постоянными посетителями на них были: граф Кутузов, Варлам[ов], К. Булгаков, П. П. Каменский, Горонович (Алиса), секретарь директора Алекс. Львович Невахович, Гейденрейх, доктор Берс и мой пансионский товарищ Самарин. Мы жили душа в душу и нередко ужинали, довольствуясь остатками директорского обеда, а если оно было недостаточно, то делали складчину, и каждый давал для этого сколько случалось. Расходились очень поздно, так что от Гедеонова я редко приходил ранее 5 часов утра.

Самарин написал роман «Люблю тебя, милая роза», который я положил у К. Булгакова на музыку и, как помнится, ночью после театра³⁰⁶. Около того же времени написал для фортепиано тарантеллу a-moll в $2/4$ ³⁰⁷.

В том же 1843 году, если не ошибаюсь, я написал роман «К ней», переведенный из Мицкевича князем С. Голицыным³⁰⁸.

Хлопоты и неприятности в театре, равно как и бракоразводное дело, мне опротивели, и я впал в какое-то ко всему равнодушие. Хотя я узнал, что Марья Петровна со вторым мужем своим прижила дочку, я никак не хотел ее за то преследовать, справедливо опасаясь новых хлопот и неприятностей, несмотря на желание матушки моей, чтобы я занялся этим делом.

Весною матушка с сестрою Ольгою Ивановной отправилась в деревню, а сестра Елисавета Ивановна с племянником на дачу у Лесного института. Я, оставшись в доме Давыдова, ходил обыкновенно обедать и ужинать к Legrand, там от скуки нередко пировал с друзьями. По пословице — «Ce qui vient par la flûte s'en va par le tambour»* — приобретенные за оперу деньги не долго пролежали.

Е. К. еще в 1842 году возвратилась в Петербург; я с ней видался часто, дружески, но уже не было прежней поэзии и прежнего увлечения. Она познакомилась с Марьей Степановной К[ржисевич], бывшей тогда в Петербурге с мужем. В то время Марья Степановна была хорошенькая, веселая и приветливая барынька. Через нее или случайно я очень сблизился с родственниками ее — Тарновскими. Анна Николаевна Тарновская была молодая, миловидная и крайне приветливая женщина, она подружилась с Е. К., и летом я очень приятно проводил время с Анной Николаевной, Марьей Степановной и Е. К. Маленький сынок Тарновских называл меня: «дядя М и с я т р а т а т а».

В 1843 году Улыбышев прислал мне свое сочинение о Моцарте**³⁰⁹. Я прочел часть этого сочинения и изучил вновь все оперы Моцарта в оркестровых партитурах. Замечания и критика графа М. Ю. Вельгорского и эти упражнения возбудили во мне критический дух, который еще более развился впоследствии.

* «Как нажито, так и прожито» (франц.).

** На полях рукой Глянки приписано карандашом: «Улыбышев».

Летом же того же года приехал из Москвы знаменитый арфист Девитте, ехавший в Англию, где он скончался в следующем году. Он играл очень отчетливо, и его сочинения были недурны³¹⁰. Я беспрестанно видался с ним то у него, то у Владиславлевых, наконец он провел вечер у Тарновских.

Вскоре по отъезде его я захворал, страдал несколько месяцев и наконец вверил себя Гейденрейху, который вылечил меня.

Зимой приехали к нам Рубини, Тамбурины и Виардо-Гарсия. Завелся итальянский театр: Виардо была превосходна. Тамбурини довольно еще хорош, Рубини пел иногда сносно, иногда же голос ему изменял, что доводило его даже до слез.

Между прочим, дали «Don Juan» Моцарта³¹¹; все главные роли были убиты, только Zerlina (Виардо) и Mazetto (Артемовский) прошли отлично. Don Juan (Тамбурины) был вял и невыносимо оттягивал темп. Рубини тщился быть громовержцем и сладенькую каватину «Il mio tesoro» пел как пирата, грозя публике и потрясая правой рукой. О других умалчивая, скажу только, что и капельмейстер-немец, а именно Ромберг (сын знаменитого Андрея Ромберга), казался, был в заговоре противу Моцарта, которого мастерское (хотя не образцовое)* произведение заставил оркестр играть вычурно и без энергии.

Публика и даже журналы вооружились противу гениального maestro, ему, а не бездарности и невежеству в музыке большей части артистов, приписывали они неудачу представления «Don Juan». Я плакал от досады и тогда же возненавидел итальянских певунов и модную итальянскую музыку.

На вечере у Миши Гедеонова прикомандировался Карл Брюллов, а потом и Янненко. Брюллов провел молодость в Италии и по привычке любил итальянскую музыку. Он пользовался ложею Гедеонова, что ему было очень по нутру: он был очень скуп. Наши сходки значительно оживились от его посещений, он говорил умно и оригинально. Бывал также у Миши и Нестор. В это же время развилась у Гедеоновых, у Степана в особенности, страсть подражать Рубини, в чем не отставали и мы с Булгаковым. Самарин и я, в свою очередь, познакомили нашу публику с выходками Колмакова и Огинского. Можно сказать, что у нас был собственный театр, однажды даже Булгаков и Невахович представляли нам живые картины, и очень мило и забавно.

* В копии приписано рукой Н. В. Кукольника: «Что же после этого образцовое в музыке драматической. Чего другого не знаю, но эту оперу я изучил, почитай, дотла. Это произведение больше чем образцовое, ибо по драматической точности главных фраз, выражающих эссенцию действующей страсти, оно непостижимо и недостижимо превосходно. Успех и случайные современные качества — увлекают на время, но Дон-Жуан пережил три поколения людей и шесть музыкальных периодов, сохранив славу и достоинство первейшего драматического образцового произведения. Может обмануться один период — но шесть? Это похоже на бездоказательный атеизм. Доказательств произвольных набрать можно много, но что они все значат? Поэтому слова „хотя не образцовое“ я выкинул бы».

Зимой приехала матушка с сестрою Ольгою к свадьбе сестры Елисаветы Ивановны, которая вышла за директора Училища глухонемых Виктора Ивановича Флэри³¹². Во время свадьбы матушка чувствовала себя нехорошо, но перемогалась. Несколько дней после того я был дома (в доме Давыдова; матушка с сестрой Ольгой жила особо) и наслаждался пением моего соловья, который вылетал из клетки, которая не запиралась, и садился на елке, стоявшей посреди моей гостиной, где пел, не только не боясь меня и посетителей, но еще заливался тем громче, чем громче говорили и шумели. Позвонили, вошел Гейденрейх, я повел его полюбоваться моим соловьем, но он тут же объявил мне, что матушка в опасности, что у нее карбункул и что к завтрашнему дню непременно нужен оператор. Втайне я с Флэри распорядился как нужно было, и на другой день Гейденрейх с оператором Саломоном в 12 часов утра явились к матушке.

Операцию произвели удачно; ни матушка, ни сестры не знали об угрожавшей ей опасности. Первое время матушка несколько страдала от боли, но я, оставаясь при ней, занимал ее разговорами и расспросами о ее молодости и в особенности о том, как она выходила замуж.

Сестры ездили по вечерам и веселились. Гейденрейху помощницей была та самая девушка, которая жила у сестры Lisette, когда я писал «Руслана».

В марте матушка отправилась в деревню, сестра Ольга осталась у Флэри. Я провожал матушку, был сильный мороз, и, вероятно, меня прохватило, потому что сейчас после того у меня образовались ревматизмы. По отъезде матушки я до обеда от скуки играл на скрипке, чтобы раззадорить моих птиц. Их было до 16, каждая знала свою клетку, а по утрам они летали и пели. После обеда я нередко бывал у Флэри; там для меня топили камин и, обогревшись, я принимался играть в карты с детьми Виктора Ивановича (от первой жены)³¹³. Старшая его дочь, по имени Анюта, девушка лет десяти, беспрестанно плутовала, и я сердился за это.

Матушка еще до отъезда решила спустить меня за границу, а именно в Париж, где я еще не был. Весна рассеяла мои ревматизмы, и я начал приготавливаться к пути. Не желая, однако ж, ехать один, потому что я был тогда весьма нераспорядителен, я упросил ехать со мною Федора Дмитриевича Геденова, который долго перед тем жил в Париже. Различные хлопоты замедлили наш выезд. Между тем настало лето, почти все знакомые разъехались по дачам, а я, чтобы не соскучиться, ежедневно ходил к Янненке. Мой пансионский товарищ генерал Астафьев пристроил Янненку с семейством в бане, принадлежавшей к дому отца жены своей — Пономарева. В этой бане было достаточно места для удобного помещения семейства Янненки, и так как с одной стороны баня эта примыкала к довольно большому саду, то летом там было хорошо.

Я после чаю утром отправлялся, бывало, к Янненке, там уже был К. Брюллов, позже приезжали и другие приятели. Обедали и ужинали

складчиной. Тогда сняли с меня маску^{*314}. Вообще время шло недурно:

В июне все было готово; с Гедеоновым отправлялась в Париж молодая девушка-француженка по имени Adèle Rossignole. Я был у Тарновских, где были Е. К. и Марья Степановна; моя коляска подъехала за мною, я распростился с барынями, заехал за Гедеоновым и Аделью, и мы отправились в путь.

К о н ч е н о 10 д е к а б р я 1854 г о д а

Незадолго до отъезда, а именно в день моего ангела 21 мая, дочь министра Блудова прислала мне статью Henry Mérimée (двоюродного брата Проспера Mérimée). Эта статья меня обрадовала. Ни один из моих соотечественников не отзывался до тех [пор] обо мне в таких лестных выражениях. Вот главное содержание этой статьи:

«La vie pour le Tzar de M. Glinka, est d'une originalité précieuse, — leur première oeuvre d'art [peut-etre] qui n'aït rien imité. La science y revêt une forme si naïve et si populaire. C'est, comme poème et musique, un résumé si fidèle de tout ce que la Russie a souffert et chanté, elle y retrouve si bien ses haines et ses amours, ses larmes et ses joies, sa nuit profonde et son aurore radieuse; c'est d'abord une si douloureuse plainte, puis une hymne de rédemption si fière et si triomphante que le dernier paysan, transporté de son i z b a au théâtre, serait touché jusqu'au fond du coeur^{**}. C'est plus qu'un opéra, c'est une épopée nationale, c'est le drame lyrique rendu à la noblesse de sa destination primitive, alors qu'il n'était pas un amusement frivole, mais une solennité patriotique et religieuse. Bien qu'étranger je n'ai jamais assisté à ce spectacle sans une vive et sympathique émotion» (Une année en Russie, lettres, écrites de Moscou en 1840, publiées par la Revue de Paris en mars 1844)^{***315}.

* Эта фраза отмечена на полях двойной карандашной чертой; в копии на полях поставлен крестик.

** Рукой Н. В. Кукольника на полях приписано: «Это — magnifique. Ты не так выразился; это не лесть, а сущая правда».

*** «„Жизнь за царя“ М. Глинки отличается драгоценной оригинальностью, это, может быть, их [т. е. русских] первое художественное произведение, в котором нет ничего подражательного. Художественное совершенство облечено в нем в форму такую простую и доступную. По сюжету и по музыке это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и залила в песне; в этой опере так хорошо выражены ее ненависть и любовь, ее слезы и радости, ее долгие ночи и светлые зори. Это вначале тяжкая скорбь, а затем гимн искупления, такой гордый и торжествующий, что последний крестьянин, перенесенный из своей и з б ы в театр, был бы тронут до глубины души. Это более чем опера, это национальная эпопея, это лирическая драма, восходящая к чистоте своих первоначальных истоков, когда она была не легкомысленной забавой, а торжеством патриотическим и религиозным. Хотя я иностранец, ни разу я не присутствовал на этом спектакле без живого, захватывающего чувства» («Год в России», письма из Москвы, написанные в 1840 г., опубликованные в «Revue de Paris» в марте 1844).

«Руслан и Людмила» в первый раз поставлен*:

1842 года	ноября 27, 29, 30	игран	3 раза
	В декабре:	1, 3, 4, 7, 9, 11, 14, 16, 22, 28, 30, 31	12 раз
1843 года	В январе:	2, 4, 7, 11, 15, 19, 25, 29	8 раз
	В феврале:	2, 8, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21	9 раз
	В апреле:	18	1 раз
	В мае:	2	1 раз
	В июле:	14, 27	2 раза
	В августе:	26	1 раз
	В сентябре:	8, 21	2 раза
	В ноябре:	14	1 раз
	В декабре:	5, 20	2 раза
1844 года	В январе:	23	1 раз
	В феврале:	2	1 раз
	В апреле:	9	1 раз
	В сентябре:	17, 24	2 раза
1845 года	В январе:	6	1 раз
	В феврале:	25	1 раз
	В октябре:	7	1 раз
	В ноябре:	4	1 раз
1846 года	В январе:	13	1 раз
	В апреле:	14	1 раз
Итого:			53 раза ³¹⁶

Часть четвертая

(От июня 1844 до мая 1854 года)

С[анкт] П[етер]бург. 25 января 1856 года

Период 11

Путешествие и пребывание в Париже

Мы заехали на короткое время в деревню. Я пробыл несколько дней с матушкой в Новоспасском, заехал в Беззаботье к Николаю Дмитриевичу Гедеонову, оттуда чрез Смоленск в Варшаву³¹⁷. Ехали мы на почтовых в коляске, купленной мною в 1840 году. Из Варшавы, чрез Познань, в Берлин³¹⁸. Там я провел несколько дней с Э. Деном (бывшим моим учителем контрапункта). Со мною были партитуры моих опер³¹⁹. Ден остался чрезвычайно доволен моим терцетом из «Жизни за царя» «Не томи, родимый».

Из Берлина на почтовых же отправились мы в Кельн, где оставили коляску. Железной дорогой домчались до Ахена, где пробыли несколько дней; из Ахена в Брюссель**, оттуда по железной дороге

* Вся страница со сведениями о представлениях оперы «Руслан и Людмила» написана неизвестной рукой. На обороте этой страницы рукою Глинки написано: «Приложение к Запискам М. И. Глинки». Ниже нарисована ослиная голова.

** В Брюсселе были праздники Кермès³²⁰. — Блаз (кларнетист) часто бывал со мной, и в саду я слышал необыкновенно стройный оркестр духовых инструментов, состоящих из ремесленников. Подобные оркестры были в Лютихе, Антверпене и Ген-те. К сожалению, это общество уже не существует. — *Примеч. Глинки.*

А. С. Пушкин

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

Часть третья

Период 8

²⁰² Ф. П. Львов умер 14 декабря 1836 г.

²⁰³ Министром императорского двора был в то время князь П. М. Волконский.

²⁰⁴ Письмо Ф. П. Львова к Глинке не обнаружено. Название его книги — «О пении в России» (Спб., 1834).

²⁰⁵ Год указан Глинкой ошибочно: вечер, на котором он в присутствии В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и своей матери спел только что сочиненную им фантазию для голоса и фортепиано «Ночной смотр», мог состояться только во второй половине февраля — начале марта 1836 г. Эта дата была установлена В. А. Киселевым при первой публикации писем Глинки к С. А. Соболевскому (СМ, 1937, № 6, с. 84, 93). Стихотворение Жуковского представляет собой перевод одноименного стихотворения И. Х. Цедлица. Глинка дважды инструментовал фантазию. В первый раз в 1830-х гг. для концерта О. А. Петрова. Вторично — для концерта Д. М. Леоновой в 1855 г.

²⁰⁶ В настоящее время Фонарный переулок, дом 3.

²⁰⁷ Сын Николая I, наследник престола великий князь Александр Николаевич (впоследствии Александр II) вместе со своим наставником В. А. Жуковским совершил поездку по России в течение семи месяцев (со 2 мая по 10 декабря 1837 г.). Он объезжал наиболее крупные города и достопримечательные места России. В Смоленске он побывал, вероятно, в середине июля, так как Польский Глинки исполнялся там (очевидно, в честь приезжего и в его присутствии) 15 июля 1837 г. на балу в Дворянском собрании (см.: Русский инвалид, 1837, 17 авг.).

Польский написан для хора с оркестром. Глинка ошибся, полагая, что он утрачен: автограф партитуры хранится в ГПБ (ф. 190, № 4, лл. 98—103 об.).

²⁰⁸ Концерт состоялся на шестой неделе великого поста, то есть между 5 и 11 апреля 1837 г., причем был последним концертом на этой неделе (см. письмо Глинки к Е. А. Глинке от 13 апреля 1837 г.).

²⁰⁹ Вероятно, одна из княжен Лобановых-Ростовских; сестры Любовь Алексеевна и Надежда Алексеевна состояли почетными членами петербургского Филармонического общества, что дает основание предположить, что к музыке они были причастны. О которой из них идет в данном случае речь — установить не удалось.

²¹⁰ «Художественная газета» была основана Н. В. Кукольниковым в 1836 г. (он же был и ее основным сотрудником). В 1839 г. издание ее было временно приостановлено. В 1840 и 1841 гг. газета издавалась с участием Н. В. Кукольника лишь в качестве сотрудника и в том же 1841 г. прекратила свое существование.

²¹¹ «Херувимская» (C-dur) написана для шестиголосного хора без сопровождения. Сохранившаяся ее партитура написана рукой неустановленного лица и датирована 1837 г.

²¹² Под фугой с текстом Глинка, возможно, подразумевал свое церковное песнопение «Хваля призову господя» (отрывки из него хранятся в ГПБ).

²¹³ Фуга Дж. Сартти могла быть заимствована из его оратории «Да воскреснет бог». В форме фуги написана ее третья часть.

²¹⁴ Первое представление оперы «Бронзовый конь» Д. Обера состоялось в Большом театре в Петербурге 18 января 1837 г. Вместе с известной певицей М. М. Степановой, исполнявшей партию монгольской княжны Стеллы, в ней участвовала сестра ее А. М. Степанова, выступившая в роли Пеки, дочери мызника. В рецензии на спектакль за подписью «П. М.» о ней было сказано: «Во втором действии очень мила песенка „Скучно мне“, которую очаровательно поет младшая Степанова» (Северная пчела, 1837, 23 февр.).

²¹⁵ К. И. Колковская.

²¹⁶ Дебют А. П. Лоди-Несторова в партии римского проконсула Поллиона в опере «Норма» В. Беллини состоялся в Большом театре 3 октября 1837 г.

²¹⁷ Текст добавленной позднее сцены Вани у стен монастыря (IV действие, № 18-6) был написан Н. В. Кукольниковым 23 и 24 августа 1837 г. Вскоре затем Глинка сочинил на него музыку. Инструментовку он окончил к началу октября, а первое исполнение оперы с новой сценой состоялось 18 (а не 19, как пишет Глинка) октября 1837 г.

²¹⁸ Хотя сам Глинка и относит сочинение романа «Где наша роза» к 1837 г., на основании целого ряда данных создание его должно быть отнесено скорее к 1838 г. Единственный сохранившийся его автограф датирован 8 июля 1838 г. Первая публикация романа — в первой тетради составленного Глинкой «Собрания музыкальных пьес» (1839).

²¹⁹ Романс «Ночной зефир» сочинен был в 1838 г. Об этом Глинка сообщил Н. А. Маркевичу в письме от 20 сентября 1838 г. Впервые опубликован фирмой «Одеон» (цена, разрешение от 29 декабря 1838 г.).

²²⁰ Встреча Глинки с А. С. Пушкиным на одном из вечеров у В. А. Жуковского могла состояться между 28 ноября 1836 г. и 29 января 1837 г. (Глинка. Творческий путь, 1, с. 268). Так как случилась она в одну из «суббот» Жуковского, то на этот день приходились числа: 30 ноября, 7, 14, 21, 28 декабря в 1836 г. и 4, 11, 18, 25 января в 1837 г.

О мнении Пушкина относительно возможных изменений в «Руслане и Людмиле» можно судить на основании его высказывания об оперном искусстве на литературном вечере у поэта И. И. Козлова в присутствии В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, П. А. Плетнева и других. Пушкин сказал тогда, что «он желал бы видеть оперу лирическую, в которой соединялись бы все чудеса хореографического, балетного и декоративного искусства», и предложил для оперы текст своего стихотворения «Торжество Вакха» и драматическую фантазию «Русалка». Этот вечер мог состояться до вышеупомянутой встречи поэта с Глинкой, именно до 6 июня 1836 г., пока Глинка находился еще в Петербурге (Спб. ведомости, 1852, 25 сент.; Глинка. Творческий путь, 1, с. 269).

²²¹ Пожар Зимнего дворца произошел 17 декабря 1837 г. С П. М. Михайловым-Остроумовым Глинка мог заниматься с апреля 1836 г. (когда тот был зачислен в хор русской оперной труппы) до 10 сентября 1838 г. (когда Михайлов уволился из петербургской оперной труппы, чтобы уехать за границу).

²²² Концерты польского скрипача К. Липиньского состоялись в Большом театре в Петербурге 11 и 18 марта 1838 г. Он играл собственные сочинения. Столичная пресса уделила артисту очень много внимания, сравнивая его игру с игрой Паганини. Среди скрипачей (Уле Буль, А. Вьетан, К. Липиньский), одновременно концертировавших

в Петербурге в феврале 1838 г., ему принадлежало едва ли не первое место. Так же как в 1825 г., он неоднократно принимал участие в исполнении квартетов Бетховена в гостиных гр. Виельгорских и кн. Н. Н. Голицына.

²²³ Уле Буль выступил в первый раз в Петербурге 20 февраля 1838 г. в концерте дирекции императорских театров, исполнив собственную фантазию («военный полонез»); кроме того, свои сочинения он играл в концертах 25 февраля и 4 или 5 марта 1838 г. Наименьшее впечатление на петербургских слушателей произвел А. Вьетан (тогда еще 18-летний юноша); его концерты состоялись 6, 15 и 22 мая 1838 г.

²²⁴ Речь идет о К. И. Колковской.

²²⁵ Балет «Восстание в серале» на сюжет из времен владычества мавров в Испании, с музыкой Т. Лабарра, был поставлен в Большом театре в 1835 г. и довольно долго оставался в репертуаре. В главной роли Зульмы выступали танцовщицы Л. Круазет, затем М. Тальони, К. И. Колковская, очевидно, танцевала в кордебалете, так как ее имени в афише спектакля нет.

²²⁶ Если понимать слова Глинки буквально и полагать, что, прекратив занятия в Театральной школе на масленной неделе, он «тогда же» (на той же неделе) написал «Сомнение», то время сочинения пьесы следует отнести к промежутку времени между 6 и 13 февраля 1838 г., так как масленная неделя в этом году приходилась на эти числа.

Романс написан для голоса с сопровождением скрипки и арфы или фортепиано. Впервые напечатан в первой тетради составленного Глинкой «Собрания музыкальных пьес» (1839).

²²⁷ Приказ о командировании Глинки на Украину для набора певчих был подписан 4 апреля 1838 г. 28 апреля Глинка выехал из Петербурга в сопровождении учителя пения Д. Н. Палагина, певчего Н. Н. Шеинова, дядьки Г. П. Саранчина и своего слуги Я. У. Нетоева. Через Смоленск и Новоспасское, где Глинка задержался на 8 дней, он направился в Новгород-Северск, Воронеж, Пежин и Чернигов. Здесь он прожил с 23 по 28 мая, отобрал для Певческой капеллы пятерых мальчиков и певчего Бальбинского. С ними вместе он проехал в Качановку, ставшую центром его пребывания на Украине. В первый приезд Глинка и его спутники оставались там с 31 мая по 3 июня, после чего они выехали в Киев через Переяславль и другие города. Прибыв в Киев 10 июня, Глинка в Михайловском монастыре услышал пение С. С. Гулака-Артемовского, бывшего тогда учеником Киевской духовной семинарии. Успешно завершив хлопоты по освобождению его из-под власти церковной администрации и набрав еще несколько малолетних певчих, Глинка и сопровождавшие его лица 23 июня вернулись в Качановку и прожили там до 28 июня. После длительного выезда в Полтаву, Харьков, Ахтырку они снова возвратились в Качановку 25 июля. С 1 по 7 или 8 августа состоялась поездка в Ромны для покупки обмундирования для певчих и посещения Н. А. Маркевича и Корбы. В последний (четвертый) раз Глинка и его спутники провели в Качановке около недели, 13 августа окончательно выехали оттуда и 1 сентября 1838 г. приехали в Петербург.

²²⁸ Романс «Всегда, везде со мною ты» на слова А. Я. Римского-Корсака никогда не был напечатан, и автограф его не сохранился.

Романс «В крови горит огонь желанья» на слова А. С. Пушкина был включен Глинкой в пятую тетрадь составленного им «Собрания музыкальных пьес» (1839).

²²⁹ Брат С. С. Гулака-Артемовского Клеоник Петрович жил в Кишиневе.

²³⁰ Глинка не уточняет времени создания этих номеров из своей второй оперы. Сохранившиеся автографы не датированы. Современными исследователями сочинение

«Персидского хора» отнесено к осени 1837 г., а марша Черномора — ко времени до поездки Глинки на Украину, следовательно, до конца апреля 1838 г.

²³¹ Партитура элегии «Погасло дневное светило» при жизни Глинки напечатана не была.

²³² Известны два автографа партитуры баллады Финна. Один из них включает в себя только балладу без вступительного речитатива и дуэта. На листе 1 дата: «Качановка. 25 июня» (ГПБ, ф. 190, № 3, л. 13—42 об). Другой авторский вариант представляет собой партитуру всей сцены у Финна; дата отсутствует (ЦГИА, ф. 992, оп. 1, № 4).

²³³ Автографы песен «Гуде витех» и «Не щебечи, соловейку» не обнаружены. Сохранилась лишь отрывочная альбомная запись первой из них с припиской: «С.П.бург. 8 января 1856 (сочинена в Малороссии в 1838 году летом)» (ГПБ, ф. 236, альбом Г. П. Данилевского, л. 31). Обе песни впервые опубликованы в составленном Глинкой «Собрании музыкальных пьес» (1839).

В Качановке Глинка написал также в честь Г. С. Тарновского «Гимн хозяину» на слова Н. А. Маркевича. Сохранившаяся неоконченная партитура его для тенора соло, хора и оркестра не датирована.

²³⁴ Рисунок В. И. Штернберга «Музыкальная сходка в Качановке» имеет дату: «1838. Лето» (ГПБ, ф. 190, № 194). Нарисованный им портрет В. Н. Забелы находится в альбоме, подаренном Глинке Л. И. Шестаковой (ГПБ, ф. 190, № 94, л. 13), а его картина «Игра в жмурки» — в Государственной Третьяковской галерее в Москве и «Глинка, сочиняющий балладу Финна» — в Государственном Русском музее в Ленинграде.

²³⁵ В Григоровке у П. П. Скоропадского Глинка остановился 13 августа 1838 г.

²³⁶ В Орле Глинка и его спутники были с 17 по 19 августа 1838 г.

²³⁷ «Собрание музыкальных пьес», составленное Глинкой (вышло в свет в 1839 г.), печаталось в литографии Давиньона в Петербурге и выходило тетрадями с первой по пятую. «Собрание» имело успех у публики, и во второй половине 1840 г. вышло его второе издание. В пяти тетрадях были напечатаны, помимо сочинений самого Глинки, вокальные и фортепианные произведения А. А. Алябьева, А. Н. Верстовского, А. С. Даргомыжского, М. Л. Яковлева, В. Ф. Одоевского и др. русских композиторов.

²³⁸ По приезде в Петербург Глинка подал А. Ф. Львову рапорт о выполнении данного ему поручения. Написанный рукой писаря и только подписанный композитором, он датирован 2 сентября 1838 г. Представление певчих царю состоялось в Аничковом дворце 21 ноября. 25 ноября 1838 г. набранные Глинкой певчие были зачислены в штат Придворной певческой капеллы.

²³⁹ Рауты в доме Глинки бывали по четвергам. На них «Пели соло и morceaux d'ensemble. Часто последние составлялись внезапно, без подготовки. Глинка выбирал какую-нибудь песню или подходящий романс, раздавал голоса: себе — тенор, Петрову — баса, сопрано — своей жене, или, если случится, лучшей певице, контральто — Воробьевой или Стунеевой, и сразу пение шло отлично. Таким образом спет был, без подготовки, в два голоса романс „Прости меня, прости“. Кажется, Стунеева спела его сперва одна, потом Глинка а la prima спел его с нею, держа второй голос. Впоследствии он нотировал этот дуэт, который по сю пору поется. На этих же вечерах М. Л. Яковлев в первый раз прекрасно спел свой романс „Когда, душа, просилась ты“, к которому Глинка также подобрал второй голос. Пьесы бывали исключительно русские; помню одну цыганскую песню, которую удачно пела Стунеева: „Ах когда б я прежде знала“. Из итальянских пели только три: Петров — *Viravviso*; Глинка — „*Raggio d'amore*“ и „*Una furtiva lagrima*“; французских и немецких — никогда. Обворожительно было

слушать, когда Петров и Воробьева своими свежими и великолепными голосами исполняли какие-нибудь романсы Глинки. Никогда не могут забыть: „Только узнал я тебя“ и „Сто красавиц светлооких“, пропеты Воробьевою» (Степанов П. А. Воспоминания о М. И. Глинке.— В кн.: Воспоминания, с. 56).

²⁴⁰ Княгине М. А. Щербатовой М. Ю. Лермонтов посвятил стихи: «На светские цепи, на блеск утомительный бала».

²⁴¹ Д. С. Стунеев занимал должность правителя хозяйственной части императорского Воспитательного общества (Смольного института) с осени 1838 г. до апреля 1840 г. Вначале его положение давало ему возможность жить довольно широко и открыто, как это видно из «Записок» Глинки. Но уже в 1839 г., после смерти начальницы института гр. Ю. Ф. Адлерберг и назначения на ее место М. П. Леонтьевой, произошли перемены, повлекшие за собой ухудшение его материального положения, а затем и уход из Смольного института.

²⁴² После смерти Екатерины II, по повелению Павла I, Смольный институт оказался в ведении императрицы Марии Федоровны. Тогда при нем был организован оркестр из 12 музыкантов. Капельмейстером в течение многих лет бессменно состоял сержант М. М. Меньщиков, «которому было поручено, кроме того, смотреть за служителями Смольного» и который был определен также к «письменным делам» (Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц, т. 1. Спб., 1914, с. 537).

²⁴³ Теперь установлено, что каватина Гориславы была сочинена осенью 1837 г. (до 6 ноября, даты, поставленной Глинкой на автографе плана «Руслана и Людмилы»); следовательно, все описанные Глинкой события должны быть отнесены к 1837 г. (Глинка. Творческий путь, 1, с. 278, 279, 298, 323—324, 326).

²⁴⁴ Глинка ошибся: концерт любителей в пользу частных школ Женского патристического общества состоялся 23 марта 1838 г. В этом концерте в хоре пели Глинка и его жена.

²⁴⁵ Изложенная в «Записках» версия Глинки о сочинении плана оперы К. А. Бахтуриным «под пьяную руку» была подвергнута сомнению В. В. Стасовым при первой публикации плана в 1871 г. (Русская старина, март). В настоящее время доказано, что план «Руслана и Людмилы» принадлежит самому Глинке; он датирован 6 ноября 1837 г. (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 25).

²⁴⁶ Хронология событий у Глинки несколько спутана. В настоящее время установлено, что каватина Гориславы была написана осенью 1837 г. (до 6 ноября), а каватина Людмилы — между 6 ноября 1837 г. и до 23 марта 1838 г. Учитывая это, знакомство Глинки с В. Ф. Ширковым надо отнести к более раннему времени; скорее всего, оно состоялось осенью 1837 г.

²⁴⁷ Под инициалами Е. К. скрыто имя Е. Е. Керн, в 1839—1840 гг. воспитательницы в Смольном институте. Встреча с ней состоялась, вероятно, 28 марта 1839 г. (пасха в этом году приходилась на 26 марта).

²⁴⁸ Концерт, назначенный сначала на 17 апреля, состоялся лишь 29 апреля 1839 г. под управлением В. Козеля, капельмейстера князя Юсупова. Партитура инструментальной Глинкой арии из оперы «Гвидо и Джиневра» Ф. Галеви не обнаружена.

²⁴⁹ Глинка неверно пишет фамилию чиновника, который «давал такт». Следует читать: Меньщиков.

²⁵⁰ Глинка оркестровал вальс «Souvenir du palais d'Anitchkoff» Й. Лабидского (соч. 53).

²⁵¹ Вальс (G-dur) был сочинен Глинкой в июне 1839 г. По-видимому, первоначаль-

чально он был написан для оркестра, а позднее переложен автором для фортепиано и издан в таком виде фирмой «Одеон». Впервые вальс был исполнен на торжествах по случаю бракосочетания великой княгини Марии Николаевны с герцогом М. Лейхтенбергским летом 1839 г.

²⁵² Эта строка заимствована из романса Глинки на слова Н. Ф. Павлова «Не называй ее небесной» (1834):

Нет у нее бесплотных крылий,
Чтоб отделиться от людей,
Она слиянье роз и лилий,
Цветущих для земных очей.

²⁵³ Глинкой приведены слова популярной русской народной песни. В сборнике Герстенберга и Дитмара приведен другой вариант текста — «Заходили чарочки по столу».

²⁵⁴ Торжественный обед, на котором присутствовал Глинка, состоялся в Зимнем дворце 2 июля 1839 г.

²⁵⁵ См. коммент. 251.

²⁵⁶ Польский (E-dur) Глинки не обнаружен. Так же как и вальс (G-dur), он прозвучал на упомянутых выше торжествах. О первом исполнении двух этих сочинений Глинки писал Н. В. Кукольник в статье «Изящные искусства» (Северная пчела, 1839, 26 июля).

²⁵⁷ Романс «Если встречу с тобой» впервые издан в виде приложения к «Одесскому альманаху» на 1840 г.

²⁵⁸ Ранняя фортепианная редакция «Вальса-фантазии» относится к лету 1839 г., времени начала романа с Е. Е. Керн. Тогда же (не позднее июля этого года) эта редакция была издана под названием: *Valse-fantaisie exécutée par l'orchestre de M. Hermann. Composée par M. Glinka et dédiée à son parent et ami Dimitre de Stounéeff. S. Pétersbourg. Lithographie de Davignon* (Вальс-фантазия, исполненный оркестром г. Германа. Сочинен М. Глинкой и посвящен его родственнику и другу Дмитрию Стунееву. С.-Петербург. Литография Давиньона). В том же 1839 г. дирижер Г. Герман инструментовал вальс и неоднократно исполнял его в Павловске.

Шесть лет спустя, в Париже, Глинка заново инструментовал «Вальс-фантазию» для концерта 29 марта/10 апреля 1845 г. (см. коммент. 331). В третий раз «Вальс-фантазию» Глинка оркестровал весной 1856 г. в Петербурге для концерта Д. М. Леоновой. Авторская партитура озаглавлена: *Scherzo (Valse-Fantaisie). Instrumenté pour la 3-me fois par M. Glinka l'auteur* (Скерцо (Вальс-фантазия). Инструментовано в 3-й раз М. Глинкой, автором). Рукопись датирована 8 февраля — 9 марта 1856 г. (ГПБ, ф. 190, № 8, л. 66—87). Эта редакция была впервые издана Ф. Т. Стелловским в 1878 г.

²⁵⁹ Ноктюрн «Разлука» («*La séparation*», f-moll) впервые издан фирмой «Одеон» в 1839 г.

²⁶⁰ Романс «К Молли» («Не требуй песен от певца») на слова Н. В. Кукольника вошел в цикл вокальных пьес «Прощание с Петербургом» (см. коммент. 267).

²⁶¹ 26 августа 1839 г. Глинка подал А. Ф. Львову прошение о предоставлении ему 28-дневного отпуска. Вместе с М. И. Стунеевой и И. А. Глинкой он выехал из Петербурга 1 сентября и 10 сентября прибыл в Новоспасское.

²⁶² Прошение об отставке Глинка подал А. Ф. Львову 7 декабря 1839 г. В тот же день Глинка написал ему и официальное письмо с объяснением причин, побуждающих

его оставить службу. 9 декабря А. Ф. Львов подал министру императорского двора князю П. М. Волконскому рапорт об уходе Глинки, вслед за чем последовало предписание министра за № 419 об увольнении его от службы в капелле с 18 декабря 1839 г.

Период 9

²⁶³ Вальс (В-dur) не обнаружен.

²⁶⁴ Для Е. Е. Керн Глинка сочинил романсы «Я помню чудное мгновенье» и «Если встречу с тобой», а также «Вальс-фантазию», хотя он и имеет посвящение Д. С. Стунееву в печатном издании.

Увлеченный Е. Е. Керн, 7 ноября 1839 г. Глинка навсегда оставил жену. Не получив развода, он не мог жениться на Е. Е. Керн. Против мысли уехать с ней за границу возражала мать композитора. Более того, она хотела, чтобы Глинка уехал туда один, надеясь, что таким образом он скорее забудет свое новое увлечение. Весной 1840 г. Екатерина Ермолаевна заболела и уехала на юг России, где пробыла около двух лет, а 15 марта 1841 г. М. П. Глинка, не разведясь с мужем, тайно обвенчалась с Н. Н. Васильчиковым. Глинка начал хлопотать о разводе и поэтому, а также потому, что некоторое время был связан подпиской о невыезде, не мог уехать из Петербурга. Бракоразводный процесс затянулся, и брак был расторгнут только 27 ноября 1846 г., тем самым откладывалась и возможность второй женитьбы для Глинки.

Время шло. Глинка работал над «Русланом». В 1842 г. Е. Е. Керн вернулась в Петербург, но встреча с ней уже не имела для Глинки прежнего значения. В 1843 г. через их общую знакомую М. С. Кржисевич он вернул Екатерине Ермолаевне ее письма. Встречи с ней и ее приятельницами А. Н. Тарновской и М. С. Кржисевич стали одной из форм приятного дружеского времяпрепровождения. Получив в 1844 г. возможность уехать за границу, Глинка воспользовался ею без малейшего сожаления по поводу разлуки с Е. Е. Керн. В «Записках» после 1844—1845 гг. ее имя более не встречается, а в письмах 1850-х годов упоминается только бегло.

Большинство современников характеризовало Е. Е. Керн как умную и привлекательную (хотя и некрасивую) девушку. Иного мнения был о ней ее отчим А. В. Марков-Виноградский.

Она прожила долгую жизнь, на много лет пережив Глинку. В 1852 г. Е. Е. Керн вышла замуж за М. О. Шокальского, но уже в 1861 г. овдовела. Ее сын Ю. М. Шокальский, известный географ, профессор, председатель Русского географического общества, сообщил некоторые сведения об отношениях своей матери и Глинки. По его словам, Глинка сделал Е. Е. Керн формальное предложение и получил ее согласие, а мать его, Е. А. Глинка, даже благословила Екатерину Ермолаевну иконой (?). По свидетельству того же Ю. М. Шокальского, свою переписку с Глинкой она сожгла.

²⁶⁵ Л. И. Шестакова вышла замуж за В. И. Шестакова в шестнадцать лет. Брак оказался несчастливый, и с конца 1840-х гг. она стала жить отдельно от мужа, сначала с матерью, потом с братом.

²⁶⁶ Автограф фортепианной редакции «Болеро», как и первое его издание в 1840 г. фирмой «Одеон», не обнаружен.

²⁶⁷ В цикл вокальных пьес «Прощание с Петербургом» на слова Н. В. Кукольника вошли романсы: 1. Романс из поэмы «Давид Риццио» («Кто она и где она»), посвящен Н. В. Кукольнику. 2. Еврейская песня («С горных стран пал туман»), посвящена П. П. Каменскому. 3. Болеро («О дева чудная моя»), посвящено А. А. Скалону. 4. Каватина («Давно ли роскошно ты розой цвела»), посвящена А. П. Лоди. 5. Колыбельная песня («Спи, мой ангел»), посвящена П. И. Гурскалину. 6. Попутная песня («Дым столбом»), посвящена Н. Ф. Немировичу-Данченко. 7. Фантазия («Стой, мой верный

бурный конь»). 8. Баркарола («Уснули голубы»), посвящена Л. А. Гейденрейху. 9. Virtus antiqua — Рыцарский романс («Прости, корабль взмахнул крылом»), посвящен Ф. П. Толстому. 10. «Жаворонок» («Между небом и землей»), посвящен А. Н. Струговщикоу. 11. К Молли («Не требуй песен от певца») (из романа «Бюргер»), посвящен Г. Я. Ломакину. 12. Прощальная песня («Прощайте, добрые друзья!»), слова посвящены поэтом Глинке, музыку Глинка посвятил друзьям. Цикл впервые издан фирмой «Одеон» в 1840 г.

²⁶⁸ Очевидно, для преподавателя и начинающего учиться игре на фортепиано ребенка. Автограф сочинения не обнаружен.

²⁶⁹ По поводу Болеро Н. В. Кукольник писал: «Оркестр Германа исполнил его с некоторыми придаточными коленами, исполнил прекрасно, руководимый в экспрессии самим автором, и площадка Павловского воксала неоднократно оглашалась требованиями Болеро!» (Кукольник Н. В. «Прощание с Петербургом». — Художественная газета, 1840, 1 сент., с. 11).

²⁷⁰ Прощальный вечер состоялся не 10 августа, как пишет Глинка, а 9. Н. В. Кукольник составил «Церемониал проводов М. Глинки»:

Акт первый

Introductio. Гости съезжаются к четырем часам и разговаривают сколько и с кем угодно; позволяются разговоры *à parte*.
Хор. Обед. Запрещаются разговоры *à parte* от супа до разъезда...
Ария с хором. Михайло Иванович пьет кофе и курит трубку. — Хор аккомпанирует. —
Каватина: Михайло Иванович поет:
 1) Романс Риццо
 2) Еврейскую песню
 3) Жаворонка
 4) Пароход. —
Хор. Пьют *rousse café*, смеются, кому угодно плакать, тому позволяется сделать *à parte*, испражниться от слез и воротиться в портретный зал с веселою миною. —

Акт второй

Увертюра. Михайло Иванович, Палагин и Яков разыгрывают большую историю на фортепиане, скрипке и басу.
Хор. Пьет чай.
Ария: Михайло Иванович поет:
 5) Баркаролу
 6) Колыбельную
 7) Коня
 8) Лодеско
 Поет Ильинишну
Final второго акта импровизируется гостями по назначению избранных Мипосов.

Акт третий

Увертюра. 9) Рыцарский романс с аккомпанементом М. И. поет:
 10) Романс из Бюргера
 11) Болеро
 Хор ужинает и составляет по вдохновению, употребив для начала
 12) Прощальную песню.

Автограф Н. В. Кукольника сохранился в архиве Глинки (ГПБ, ф. 190, № 153). Впервые «Церемониал» был опубликован Н. Ф. Финдейзенем с кратким предисловием, в конце которого приведена приписка, сделанная кем-то (вероятно, В. П. Энгельгардтом) в рукописи: «Этот церемониал написан Н. В. Кукольниковом и был исполнен в точности, но в этот вечер по случаю остальных тостов М. И. Глинка уехать за границу не мог» (РМГ, 1894, май, № 5, с. 112—117). Первоначально Глинка действительно собирался уехать в Западную Европу на долгий срок. В дальнейшем его планы изменились, и 16 сентября 1840 г. он вернулся в Петербург.

²⁷¹ К тому же времени относится сочинение арии Руслана «О поле, поле» (№ 8, II действие); ее неоконченная партитура (автограф) датирована: «1 сентября 1840 г. Новоспасское» (ГПБ, ф. 190, № 18). Арию Глинка закончил в Петербурге до 18 декабря 1840 г. Хор цветов из сцены Людмилы в IV действии, вероятно, написан также до 18 декабря того же года.

²⁷² В автографе партитуры увертюры датирована 19—26 сентября 1840 г.; Сон Рахили — 25—29 сентября; Антракт ко II действию — 2—4 октября; Антракт к IV действию — 7—11 октября; Антракт к V действию — 12—15 октября (ГПБ, ф. 190, № 4, л. 1—56). Таким образом, оказывается, что вся партитура написана менее чем за месяц. Упомянутые Глинкой три представления драмы состоялись через год: 30 сентября, 2 и 6 октября 1841 г. Как самостоятельное произведение музыка Глинки была впервые исполнена в концерте Э. Габербира в феврале 1841 г.

²⁷³ Болезнь Глинки продолжалась около трех недель: от самых последних чисел октября до двадцатых чисел ноября. 21 ноября 1840 г. он вместе с Дж. Пастой присутствовал в Большом театре на представлении своей оперы «Иван Сусанин».

²⁷⁴ В письме от 18 декабря 1840 г. Глинка сообщил В. Ф. Ширкову о том, что он, оправившись от болезни, успел написать лишь арию Руслана и хор цветов из сцены Людмилы в IV действии.

²⁷⁵ Тарантелла для чтеца, смешанного хора и оркестра на текст И. П. Мятлева была начата 29 декабря 1840 г. и окончена 5 января 1841 г., как это значит в автографе партитуры. Впервые исполнена 13 января 1841 г. в Александринском театре в бенефис В. А. Каратыгина под управлением К. Ф. Альбрехта. В рецензии на спектакль, подписанной Ф. Б. (Фаддей Булгарин), было сказано, что «все дело испортила музыка. Она однообразна и утомительна в высшей степени» (Северная пчела, 1841, 29 янв.).

²⁷⁶ Романс «Как сладко с тобою мне быть» на слова П. П. Рындина сочинен был в конце 1840 г. Впервые напечатан в журнале «Нувеллист», 1843, № 1.

²⁷⁷ Возможно, Глинка пишет об Adagio из арии Людмилы в IV действии оперы («Ах ты, доля»), сочиненном в период между 14 и 19 января 1841 г., как это помечено в автографе партитуры (ГПБ, ф. 190, № 3, л. 91—95).

²⁷⁸ Это произведение Глинки не обнаружено.

²⁷⁹ «Прощальная песнь воспитанниц Екатерининского института» на слова П. Г. Ободовского, для сопрано, женского хора и оркестра. Черновая, неоконченная партитура (автограф) имеет дату: «Кончено к 1-му генваря 1841 г.» (ГПБ, ф. 190, № 58). В 1856 г. это свое произведение композитор пересматривал, что видно из надписи, сделанной им на рукописной копии партитуры: «С подлинным верно. Михаил Глинка. 30 марта 1856 года. С. П. бург».

²⁸⁰ В 1841 г. великий пост начинался 9 февраля. Если это сопоставить со словами Глинки в письме к В. Ф. Ширкову от 29 марта 1841 г.: «Я с лишним месяц живу у Степановых» и высказыванием композитора в «Записках», то можно предположить, что он переехал к ним в середине февраля 1841 г.

²⁸¹ 18 февраля 1841 г. Глинка писал В. Ф. Ширкову, что «заготавливаются танцы»

для IV действия. В письме от 29 марта 1841 г. Глинка сообщил тому же адресату, что написал финал IV действия и половину «Сцены с Головой» (ее он завершил в конце 1841 г.).

²⁸² См. коммент. 273.

²⁸³ 7 ноября 1839 г. Глинка расстался с женой. В 1840 г. она познакомилась с корнетом конногвардейского полка Н. Н. Васильчиковым; 15 марта 1841 г. она тайно обвенчалась с ним в селе Ополье Лужского уезда (венчал их священник Федор Опольский). Донесение в Синод об их незаконном венчании поступило от петербургского губернатора П. К. Эссена. 15 мая 1841 г. Глинка подал в С.-Петербургскую консисторию прошение о расторжении своего брака, после чего некоторое время пробыл у Е. А. Глилки в Новоспасском (с 20 по 27 мая) и возвратился в Петербург 1 июня.

С июня 1841 г. начались «явки» композитора в консисторию и очные ставки с женой, которая в конце концов под предлогом болезни стала от них уклоняться, 30 июля не явилась на «судоговорение» (разбор дела) и требовала разрешить ей прислать вместо себя поверенного. Это было ей разрешено лишь после 2 января 1842 г. С поверенным жены А. Г. Федоровым композитор встречался дважды: 30 января и 23 февраля 1842 г. на новом судоговорении. В результате консистория вынесла решение: брак М. П. Глилки с Н. Н. Васильчиковым не признавать, священника Ф. Опольского и других участвовавших в совершении незаконного бракосочетания лиц наказать. Н. Н. Васильчиков был переведен прапорщиком в Вятский внутренний гарнизон и предан церковному покаянию. Однако брак М. И. и М. П. Глинок остался нерасторгнутым, а дело в консистории 26 июня 1842 г. было закрыто.

30 июня 1843 г. Глинка подал апелляционную жалобу в Синод. Началась длительная переписка Синода с консисторией, свидетелями и другими лицами. Пытаясь снять с себя ответственность, противники Глилки подавали на него жалобы, рассмотрение которых отнимало много времени. Глинке удалось добиться лишь того, что с него решением Синода от 24 февраля 1844 г. было снято запрещение о невыезде из Петербурга, наложенное в самом начале разбора дела. В Синоде оно лежало так долго без движения, что 15 июля 1846 г. Е. А. Глинка послала туда ходатайство о скорейшем его рассмотрении (сам Глинка находился в это время за границей). Вынесенное в том же году решение Синода признало композитора «невинным», а его жену виновной в нарушении супружеской верности, брак ее с М. И. Глинкой расторгло, разрешив ему вступить в новый и оставив М. П. Глинку «безбрачной», с наложением на нее церковной эпитимии в течение семи лет. О дальнейшей судьбе М. П. Глилки известно только то, что Н. Н. Васильчиков скончался еще до окончания процесса, оставив ей по завещанию значительную сумму денег, после чего она, по-видимому, уехала из Петербурга.

²⁸⁴ Дом сохранился. Теперешний адрес: ул. Плеханова, д. 16.

²⁸⁵ Этот рисунок Глилки хранится в ЛГИТМиК (ф. 6).

²⁸⁶ Обед этот состоялся, вероятно, в декабре 1841 г. Тогда Глинка и ознакомил М. А. Гедеонова с отрывками из оперы с целью заинтересовать ею его отца, директора императорских театров. После этого пришлось срочно дописать недостающие номера музыки. 20 декабря 1841 г. Глинка писал В. Ф. Ширкову о содействии в завершении либретто Н. В. Кукольника, который «подкидывает слова наскоро».

²⁸⁷ Прошение Глилки о принятии на сцену его оперы «Руслан и Людмила», адресованное А. М. Гедеонову, датировано 4 марта 1842 г. Партитура, с которой он явился к Гедеонову, сгорела при пожарах или Большого театра в Москве (в 1853 г.), или Театра-цирка в Петербурге (в 1859 г.).

По редписанию А. М. Гедеонова было постановлено «удовлетворить автора поспек-

такльным платежом из двух третей — десятой части сбора, на основании положения от 13 ноября 1827 года, высочайше утвержденного».

²⁸⁸ С П. П. Каменским Глинка познакомился в 1837 г., о чем тот писал Я. М. Неверову 1 июля того же года: «Недавно судьба свела меня с Михайлом Глинкой. Я хотя и не музыкант, но современный наш отечественный талант не погнушался со мной побеседовать, — что за энтузиаст этот Глинка, мы оба слушали на днях „Дон-Жуана“, я бранил Ферзинга, нового басиста нашей оперы, Глинка отстаивал...» (Глинка. Исследования и материалы, с. 47).

²⁸⁹ Ф. Лист пробыл в Петербурге с 4 апреля по 16 мая 1842 г. Он дал пять собственных концертов в зале Дворянского собрания, в зале Энгельгардт (8, 11, 22, 28 апреля и 5 мая), участвовал в благотворительных концертах (25, 30 апреля, 10 мая), выступал в гостиную у Виельгорских, играл на вечерах у В. Ф. Одоевского, гр. Е. П. Ростопчиной, Е. И. Палибиной. Известны даты исполнения им некоторых из названных Глинкой произведений: 11 апреля — мазурка Шопена; 22 апреля — соната quasi una fantasia Бетховена; 28 апреля — септет Гуммеля; 5 мая — прелюдия и fuga Баха; 16 мая — концерт Es-dur Бетховена.

²⁹⁰ По воспоминаниям А. Н. Серова, это было у гр. М. Ю. Виельгорского.

²⁹¹ Первая встреча юноши А. Н. Серова с Глинкой произошла зимой 1838/39 г. на большом вечере у А. Д. Киреева, но композитор этого, очевидно, не запомнил. В 1841 г. они снова встретились в доме И. А. Лисенко, секретаря в С.-Петербургской духовной консистории, у которого Глинка часто бывал по поводу своего бракоразводного дела. Весной 1842 г. Глинка познакомился с семьей Серова. С этого времени Серов стал бывать у Глинки, общение стало более тесным (см.: Воспоминания, с. 68—69, 72, 79, 364).

²⁹² В 1840 г. А. А. Роллер написал восемь эскизов декораций для оперы: 1) Грядница. 2) Пещера Финна. 3) Пустыня с Головой. 4) Дворец Наины. 5) Лес, смеющийся дворец Наины. 6) Сады Черномора. 7) Стан Ратмира. 8) Грядница с видом Киева. За них он был удостоен звания академика Академии художеств. Эскизы находились у Н. В. Кукольника, у которого в 1860-х годах были приобретены В. П. Энгельгардтом и принесены им в дар Публичной библиотеке. В настоящее время эти работы Роллера находятся в музее А. С. Пушкина (г. Пушкин).

²⁹³ Квартетная репетиция («проба») состоялась не 10, а 13 августа 1842 г.

²⁹⁴ При всех почти постановках оперы «Руслан и Людмила» в Петербурге и в Москве она подвергалась более или менее значительным сокращениям. Купюрами в ней возмущался В. В. Стасов, по поводу их писали Ц. А. Кюи, Г. А. Ларош, П. И. Чайковский, Н. Д. Кашкин.

²⁹⁵ Декорации по эскизам А. А. Роллера были выполнены художниками: I действие — Журделем; II действие (три декорации) — Федоровым; III действие — первая декорация Федоровым, вторая — Роллером; IV действие — Роллером; V действие — первая картина — Журделем, вторая — Роллером.

²⁹⁶ Упомянув в фельетоне «Журнальная всякая всячина» о предстоящей вскоре премьеры оперы «Руслан и Людмила», Ф. В. Булгарин неуважительно отозвался об артистах оперной труппы (Северная пчела, 1842, 7 нояб.).

²⁹⁷ На афише первого представления значилось: «На Большом театре в пятницу 27 ноября российскими придворными актерами представлено будет в первый раз Руслан и Людмила. Волшебная опера в пяти действиях, с хорами и танцами, музыка соч. М. И. Глинки, содержание взято из поэмы Пушкина с сохранением многих его стихов; танцы балетмейстера г. Титюса, все новые декорации по рисунку Андрея Роллера; но-

вые костюмы Г. Матъе, полковая музыка аранжирована бароном Ралем. Танцевать будут в третьем действии: г-жи Смирнова, Шлефохт, Данилова, Граэрт, Милова, воспитанницы Никитина, Яковлева и Бормотова. В четвертом действии: г-жа Андреянова — Лезгинский танец; воспитанницы Прихунова, Горина и Костина. Действующие лица: Светозар, великий князь Киевский — Байков, Людмила, дочь его — Степанова, Руслан, киевский витязь, нареченный жених Людмилы — Петров, Ратмир, князь хазарский — Петрова, Баян — Лиханский, Фарлаф, рыцарь варяжский — Тоши, Горислава, пленница Ратмира — Лилеева (восп.), Финн, добрый волшебник — Леонов, Наина, злая волшебница — Марсель, Черномор, злой волшебник, карло — Исаков (восп.), сыновья Светозара, витязи, бояре, боярыни, сеньные девушки, няньки, мамы, отроки, гридни, чашники, столбники, дружина и челядь. Девы волшебного замка, арапы, рабы Черномора, нимфы и ундины».

²⁹⁸ Второе представление «Руслана и Людмилы» состоялось 29, третье — 30 ноября 1842 г.

²⁹⁹ Календарную сводку всех представлений оперы «Руслан и Людмила» за годы 1842—1846 см. ниже, период 10 и коммент. 316 к нему.

³⁰⁰ Опера «Руслан и Людмила» вызвала оживленную дискуссию в печати как до, так и после ее первого представления. Перечень посвященных опере статей см. в кн.: Музыкальная библиография русской периодической печати XIX в., т. 3. Сост. Т. Ливанова. М., 1966, с. 87—91.

Период 10

³⁰¹ Ф. Лист приехал в Петербург 14 апреля 1843 г. и уехал оттуда в начале июня (6 июня в честь него был устроен прощальный ужин у А. П. Кутузова).

³⁰² Это посвящение во всех сохранившихся рукописях и изданиях отсутствует.

³⁰³ Опера «Цыгане» не была закончена автором. В основу либретто, написанного В. А. Жуковским и В. А. Соллогубом, положен бытовой эпизод из эпохи 1812 г. О взаимоотношениях Глинки и Мих. Ю. Виельгорского см. статью Б. С. Штейнпресса «Михаил Юрьевич Виельгорский, благожелатель Глинки» в кн.: М. И. Глинка. Сборник статей. М., 1958.

³⁰⁴ Дж. Рубини приехал в Петербург 18 (19?) февраля 1843 г.

³⁰⁵ В Петербурге Дж. Рубини с большим успехом дал четыре концерта (2, 4, 8 и 12 марта) и потом на некоторое время уехал в Москву. По возвращении в столицу он между 21 апреля и 31 мая пел в операх «Отелло» Дж. Россини, «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти, «Сомнамбула», «Пират» и «Пуритане» В. Беллини в 15 абонементных спектаклях, собственном бенефисном и «для последнего представления перед отъездом». Кроме того, 2 июня он выступил в «прощальном концерте Ф. Листа в Большом театре» (Р о з а н о в А. Полина Виардо. Л., 1973, с. 25—27).

³⁰⁶ Романс «Люблю тебя, милая роза» был сочинен не в 1843 г., а в 1842 г., о чем говорит авторская надпись на автографе: «Другу К. Булгакову за различные бутафорские вещи и тому подобные дружеские изъявления чувства. 1842 года 14 октября» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 319).

Автора текста Глинка называет своим пансионским товарищем. Однако имени И. Самарина, который значится во всех изданиях романа, в списках воспитанников Благородного пансиона нет. В них числится П. Самарин, поступивший туда в 1817 г. и курса не окончивший. Очевидно, П. Квашнин-Самарин и является автором текста романа. Впервые издан в журнале «Нувеллист», 1843, март.

³⁰⁷ Тарантелла для фортепиано на тему русской народной песни «Во поле березонька стояла» написана в 1843 г. Впервые опубликована М. Бернардом в журнале «Нувеллист», 1850, № 12.

³⁰⁸ Романс «К ней» на слова А. Мицкевича в переводе С. Г. Голицына сочинен в 1843 г.

³⁰⁹ «Nouvelle biographie de Mozart suivie d'un aperçu sur l'histoire générale de la musique et de l'analyse des principales oeuvres de Mozart par Alexandre Oulibicheff membre honoraire de la société philharmonique de St. Pétersbourg. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen, 1843» («Новая биография Моцарта с последующим обзором всеобщей истории музыки и разбором основных произведений Моцарта, сочинение Александра Улыбышева, почетного члена С.-Петербургского филармонического общества. Москва, в типографии Августа Семена, 1843»). Издана в трех томах.

³¹⁰ Арфист Н. П. Девитте как исполнитель-виртуоз и композитор был известен с конца 1820-х гг.

³¹¹ «Дон-Жуан» В. А. Моцарта был представлен в бенефис А. Тамбурины 13 декабря 1843 г. под управлением Г. Ромберга на сцене Большого театра. Партию Дон-Жуана пел бенефициант, Дона Оттавио — Дж. Рубини, Донны Анны — Ассандри, Церлины — П. Виардо, Лепорелло — О. А. Петров, Донны Эльвиры — Тадини, Мазетто — С. С. Артемовский.

³¹² Свадьба Е. И. Глинки и В. И. Флэри состоялась, вероятно, между 6 и 29 января. До этого времени, с 14 ноября, длился рождественский пост, потом наступили рождественские праздники, а с 29 января начиналась масленая неделя и затем великий пост. Во все это время по церковным правилам обряд бракосочетания не совершался.

³¹³ От первого брака у В. И. Флэри было пятеро детей: три дочери и два сына.

³¹⁴ В альбоме карикатур Н. А. Степанова (ГПБ, ф. 190, № 189), в сцене снятия маски с лица Глинки главным действующим лицом изображен Я. Ф. Яненко. Эту процедуру описал П. А. Степанов, взявший, по его словам, маску себе и вылепивший по ней бюст Глинки, «плохо сработанный», но «очень похожий». Бюст был исполнен в одном экземпляре и оставался его собственностью до 1871 г. — времени, когда П. А. Степанов издал свои воспоминания о Глинке (см.: Воспоминания, с. 63).

В. П. Энгельгардт автором бюста Глинки называет Я. Ф. Яненко. «Могу с компетентностью сказать, — писал он, — что бюст Яненко очень похож» (Воспоминания, с. 321). Энгельгардт утверждал, что сделано было два экземпляра бюста: один находился у Н. В. Кукольника, который подарил его Энгельгардту (впоследствии бюст был разбит); второй находился в Новоспасском. С него по заказу Л. И. Шестаковой были сделаны копии и подарены ею музею М. И. Глинки в Петербурге, М. А. Балакиреву и Д. В. Стасову. Свой экземпляр Д. В. Стасов передал В. П. Энгельгардту, у которого бюст и находился до его смерти. Музейный экземпляр был разбит, а принадлежавший М. А. Балакиреву находится в настоящее время в фондах ЛГИТМиК и является уникальным.

Можно предположить, что исполнено было два бюста: П. А. Степановым и Я. Ф. Яненко, причем Степанов не знал о существовании яненковского, а Энгельгардт — степановского.

В. В. Стасов в биографии композитора, вышедшей в 1857 г., указывал: «В 1842 году с Глинки снята была его маска даровитым скульптором Н. А. Степановым, и с нее впоследствии сделан им же бюст» (Стасов В. В. Статьи о музыке, вып. 1. М., 1974, с. 350). Откуда Стасов почерпнул эти сведения, неизвестно; с Глинкой в 1842 г. он знаком еще не был.

³¹⁵ Глинка приводит здесь отрывок из статьи Анри Мериме, помещенной в журнале «Revue de Paris» и впоследствии включенной им в книгу «Une année en Russie, lettres à M. J. M. Girardin par H. Merimée». Paris, 1847 («Год в России», письма А. Мериме к г. Ж.-М. Жирардену. Париж, 1847).

³¹⁶ Всего в 1842—1846 гг. опера «Руслан и Людмила» представлена была 56 раз. См.: Глинка М. Записки. Под редакцией В. М. Богданова-Березовского. Л., 1953. Осенью 1843 г. дирекцией имп. театров в Петербурге была создана итальянская оперная труппа, а русская труппа переведена в Москву и с нею вместе и «Руслан и Людмила» Глинки.

Период 11

³¹⁷ Точная дата отъезда Глинки не установлена. В журнале «Литературные прибавления к „Нувеллисту“» появилась заметка о том, что «знаменитый наш композитор Глинка едет за границу» (1844, № 6, ценз. разрешение от 31 мая). По-видимому, выехал Глинка или в самые последние дни мая, или в начале июня 1844 г. Дорога от Петербурга до Смоленска, «несколько дней» жизни в Новоспасском, заезд в Беззаботье, затем шестидневное путешествие из Смоленска в Варшаву могли занять от двух с половиной до трех недель. 25 июня Глинка писал матери уже из Варшавы.

³¹⁸ Приезд Глинки в Берлин можно датировать приблизительно 12 или 13 июля 1844 г., так как в письме к матери от 9/22 августа Глинка сообщал о том, что находится в Париже уже четыре недели.

³¹⁹ Партитуры опер Глинки не были тогда еще изданы. С собой он вез несомненно рукописные копии с них. Дальнейшая судьба их неизвестна.

³²⁰ Правильнее: Kermesse; так называется ежегодный храмовый приходский праздник. Обычно он сопровождается ярмарками, состязаниями, выступлениями народных музыкантов, уличными представлениями.

³²¹ Празднества в годовщину июльской революции 1830 г.; жуты (joutes) — состязания.

³²² О задуманном кн. Э. Мещерским переводе романсов Глинки на французский язык композитор писал матери 16/28 сентября 1844 г. В письме от 29 сентября / 11 октября того же года он сообщил Е. И. Флэри о том, что работа подходит уже к концу и «некоторые переведены очень удачно». Извещая Евгению Андреевну о смерти молодого поэта 22 ноября / 4 декабря 1844 г., Глинка говорил о желании княгини Мещерской издать переводы сына.

Какие именно романсы были переведены, не установлено, и переводы не обнаружены. В письме к Л. А. Гейденрейху от 16/28 февраля 1845 г. Глинка писал о том, что «должен был отказаться от намерения издать несколько романсов в французском переводе».

³²³ Ф. Лист провел в Испании и Португалии зимние месяцы 1844/45 г. Глинка ожидал его приезда в Париж, надеясь при его посредстве сблизиться «с первыми артистами Парижа» (письмо к матери от 4/16 ноября 1844 г.). Сначала возвращения Листа во Францию ожидали в марте — апреле 1845 г., но в конце этого месяца в прессе появилось сообщение о том, что из Лиссабона он поедет в Германию, а оттуда в конце июня в Англию. Таким образом, свидание Глинки с ним во Франции не состоялось.

³²⁴ Разрешение от Е. А. Глинки на поездку в Испанию композитор получил в конце 1844 г. Глинка благодарил ее за это в письме от 30 декабря 1844/11 января 1845 г.